

27696

А. З. Даниельсонъ.

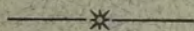

38629

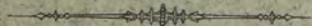
ПО КАКОМУ ПУТИ?

(I HVILKEN RIKTNING?)

Отвѣтъ на брошюру Nemo «всѣ вмѣстѣ!» (Alla Med!)

ПЕРЕВОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

27696.

А. З. Даниельсонъ.

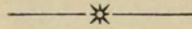

~~33624.~~

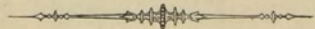
ПО КАКОМУ ПУТИ?

(I HVILKEN RIKTNING?)

Отвѣтъ на брошюру Нето «всѣ вмѣстѣ!» (Alla Med!)

ПЕРЕВОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

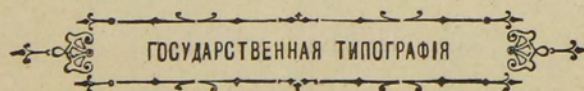
1902.

39

Библиотека НКФ СССР

К

84848

Предисловіе къ русскому переводу.

Въ концѣ прошлаго года въ Гельсингфорсѣ вышла изъ печати небольшая брошюра политическаго содержанія, подѣ заглавіемъ «*Välj välfärd!*» (Alla med!), написанная однимъ изъ видныхъ представителей партіи свекомановъ, скрывшимъ свою фамилію подѣ псевдонимомъ Nemo. Авторъ брошюры даетъ обстоятельную характеристику господствующаго въ Финляндіи настроенія умовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ярко иллюстрируетъ глубокую рознь, проявляющуюся во взглядахъ и стремленіяхъ борющихся партій. Признавая такое положеніе вещей крайне вреднымъ для дальнѣйшаго преуспѣянія края, авторъ призываетъ шведовъ и финновъ къ единенію, къ забвенію мелкихъ раздоровъ и къ дружной работѣ въ одномъ намѣченномъ направленіи. Указавъ далѣе на малую пригодность, при существующихъ условіяхъ, такъ называемой системы «пассивнаго сопротивленія» и на желательность, наоборотъ, самой энергичной созидательной работы во всѣхъ сферахъ внутренней жизни края, авторъ брошюры затѣмъ намѣчаетъ и самую программу дѣйствій. Вопросъ о языкахъ, —полагаетъ онъ, —въ законодательномъ порядкѣ разъясненъ и опредѣленъ достаточно, почему существующія еще несообразности могутъ быть, по его мнѣнію, улажены простымъ соглашеніемъ партій, безъ правительственнаго вмѣшательства. Наоборотъ, рабочій вопросъ и связанные съ нимъ вопросы о торпаряхъ и безземельныхъ въ краѣ требуютъ, по мнѣнію Nemo, правительственныхъ мѣропріятій, успѣшность которыхъ, однако, въ значительной степени ставится имъ въ зависимость отъ готовности и умѣнья правящихъ классовъ безпристрастно оцѣнить нужды и войти въ положеніе меньшей братіи. Наконецъ, по вопросу объ избирательной реформѣ тотъ же авторъ высказывается въ томъ

смыслѣ, что необходимо предоставить право участвовать въ выборахъ сеймовыхъ и общинныхъ той массѣ населенія, которая въ настоящее время, въ виду избирательнаго ценза, лишена возможности вліять на политическую и общинную жизнь своей родины и въ правѣ, поэтому, считать свои интересы вовсе не представленными. Доказывая, затѣмъ, полную несостоятельность обычно выставляемыхъ противниками реформъ ссылокъ на политическую незрѣлость народа, его неподготовленность, недостатокъ у него патріотизма и т. п., Немо въ концѣ своей брошюры еще разъ повторяетъ, что условіемъ успѣшности своей программы онъ считаетъ чувство *солидарности*, чувство общности и единенія во всѣхъ слояхъ населенія. Лучшее будущее возможно, по его мнѣнію, лишь въ томъ случаѣ, если партіи, борющіяся въ настоящее время, забудутъ свои разногласія и направятся къ намѣченной цѣли *вслѣ вмѣстѣ*.

Брошюра вызвала оживленный обмѣнъ мыслей въ мѣстномъ обществѣ и печати, а съ начала настоящаго года сталъ появляться рядъ брошюръ однороднаго характера, имѣющихъ въ виду подробнѣе выяснить, какъ именно смотреть та или другая партія на затронутые Немо вопросы. Наибольшею полнотою и разносторонностью отличается отвѣтная брошюра извѣстнаго гельсингфорскаго профессора Даніельсона, взявшагося, какъ бы отъ лица старофинской партіи, разъяснить, при какихъ условіяхъ, по его мнѣнію, достижимо предлагаемое Немо единеніе и куда именно слѣдуетъ направиться *вслѣ вмѣстѣ*. Отвѣтъ проф. Даніельсона представляетъ несомнѣнный интересъ для русскаго читателя, чѣмъ и объясняется появленіе настоящаго перевода.

Предисловіе къ шведскому переводу.

Выходъ въ свѣтъ предлагаемаго перевода на шведскій языкъ финской брошюры проф. Даніельсона «По какому пути?» (Mihin suuntaan) требуетъ, пожалуй, нѣкотораго поясненія. При нормальныхъ условіяхъ едва ли кому либо въ предѣлахъ Финляндіи придетъ въ голову переводить на шведскій языкъ произведенія финской печати, но настоящій случай, несомнѣнно, выходитъ изъ ряда обыденныхъ. Дѣло въ томъ, что, читая газету «Hufvudstadsbladet», я недавно наткнулся на извѣстіе, поразившее меня своею странностью. Нѣкоторыхъ книгопродавцевъ, — какъ сообщалось въ газетѣ, — внезапно осѣнила мысль, что они несутъ нравственную отвѣтственность за ту духовную пищу, которую предлагаютъ изъ-за прилавковъ публикѣ. Положимъ, въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, когда извѣстнаго рода «опасенія» могли считаться умѣстными, случалось иногда, что нѣкоторыя печатныя произведенія допускались къ продажѣ лишь запечатанными, такъ что извѣстнаго рода предосторожности практиковались у насъ и ранѣе. Но съ тѣхъ поръ прошло не мало времени и, какъ хорошо извѣстно гг. книготорговцамъ, запретное тогда продается теперь безъ всякихъ затрудненій. По отношенію же къ брошюрѣ проф. Даніельсона рѣшено, повидимому, прибѣгнуть къ мѣрѣ совершенно экстраординарнаго характера, ибо въ объявленіяхъ о ней сказано прямо: «нельзя продавать». Такое рѣшеніе принято-де потому, что указанная брошюра непатріотична, а, слѣдовательно, подлежитъ бойкоту.

Все это по меньшей мѣрѣ странно. Проф. Даніельсонъ

пользуется у насъ среди какъ финновъ, такъ и шведовъ почетной репутаціей талантливаго писателя, много потрудившагося для родного края, а, между тѣмъ, его упрекають въ отсутствіи патриотизма и къ нему хотять примѣнить мѣру совершенно необычнаго характера. Естественно, что въ каждомъ зарождается желаніе выяснить, на чемъ же основывается такое неожиданное рѣшеніе, а этому можетъ способствовать, по моему мнѣнію, только возможно широкое распространеніе злополучной брошюры, могущее устранить ошибочныя сужденія и превратныя толкованія.

На основаніи этихъ соображеній я предложилъ г. Даніельсону самому выпустить въ свѣтъ свою брошюру на шведскомъ языкѣ, но послѣдній, за недостаткомъ времени, принужденъ былъ отказаться отъ этого; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ мнѣ соотвѣтствующее разрѣшеніе. Вотъ почему появляется мой переводъ. По многимъ причинамъ эта работа доставила мнѣ большое наслажденіе. Счастливъ буду я, если мой трудъ окажется удовлетворительно исполненнымъ.

Безъ сомнѣнія нашъ народъ никогда не находился въ положеніи столь критическомъ, какъ нынѣшнее, когда изъ сотенъ тысячъ сердець мучительно вырывается вопросъ: «что намъ предпринять для спасенія себя и на благо грядущихъ поколѣній?» и когда со всѣхъ сторонъ слышится лишь одинъ отвѣтъ: «нѣтъ никого, кто бы могъ намъ дать достовѣрныя указанія». Многие ухватились за такъ называемое пассивное сопротивленіе; однако, ни сущность, ни способы примѣненія его, насколько мнѣ извѣстно, не были никѣмъ еще ясно формулированы. Послѣдствіемъ же такой идейной растерянности является разнообразіе и даже противорѣчивость предлагаемыхъ программъ дѣйствія. Одну такую программу начерталъ намъ въ своей брошюрѣ Немо, лицо пользующееся вполне заслуженнымъ уваженіемъ во всѣхъ слояхъ нашего общества, почему и можно было ожидать, что попытка указаннаго автора разрѣшить наболѣвшій вопросъ должна была бы удовлетворить очень многихъ. На дѣлѣ, между тѣмъ, оказалось, что она удовлетворила далеко не всѣхъ, а иными, пожалуй, была признана даже непатріотичной. Сущность разногласій, по

мнѣнію автора, заключается въ слѣдующемъ. Одна сторона говорить: что справедливо—то и разумно, а справедливость возлагаетъ на насъ обязанность непоколебимо держаться права и правды; другая же сторона возражаетъ: но, вѣдь, и справедливыхъ путей можетъ быть нѣсколько. Конечно, не легко разобраться въ этой путаницѣ понятій. Если мы обратимся за справкой къ исторіи, то и она можетъ намъ отвѣтить лишь одно, а именно что вообще слѣдуетъ требовать отъ государственнаго дѣятеля исполненія своего долга, исполненія того, что онъ самъ считаетъ благомъ и справедливостью, и что съ этой только точки зрѣнія государственный мужъ отвѣтственъ за послѣдствія своихъ поступковъ. Онъ обязанъ высказывать свое правопониманіе, но онъ не въ правѣ считать себя непогрѣшимымъ, не въ правѣ, поэтому, во что бы то ни стало проводить въ жизнь свою программу, какъ единственно вѣрную и возможную. Когда какой либо министръ сознаетъ непригодность своего правопониманія, то онъ выходитъ въ отставку, и это все, что отъ него въ такомъ случаѣ можно требовать. Если же обстановка такова, что никакое министерство, при данныхъ условіяхъ, не можетъ болѣе сформироваться, то дальнѣйшій образъ дѣйствій вполнѣ ясенъ и послѣдующія событія будутъ опредѣляться взаимоотношеніемъ силъ борющихся за власть партій. Повидимому, въ брошюрѣ *Nemo* и проводится та мысль, что путей къ правдѣ нѣсколько и что никто не въ правѣ считать мнѣніе другого безусловно невѣрнымъ или проистекающимъ изъ низменныхъ побужденій.

Итакъ, едва ли многіе согласятся съ той теоріей, будто государственный дѣятель не обязанъ взвѣшивать послѣдствій своихъ поступковъ. Когда, — повѣствуетъ намъ Ламартинъ,—въ февралѣ 1848 г. уличные беспорядки въ Парижѣ грозили принять размѣры революціи, то многіе пріятели будущаго дѣятеля обратились къ нему за совѣтомъ, какъ поступать. Ламартинъ, считавшій себя, собственно, легитимистомъ, отвѣтилъ тогда, что необходимо провозгласить республику, а остальное предоставить волѣ Божьей. Когда же дальнѣйшія событія стали обрисовываться, то, говоритъ онъ въ отчетѣ о своемъ трехмѣсячномъ управленіи,

раскаиваться ему пришлось только въ одномъ, а именно въ томъ, что онъ хотѣлъ взвалить отвѣтственность за послѣдствія на Господа Бога. Государственный мужъ, добавляетъ онъ, не въ правѣ дѣйствовать, не выяснивъ себѣ послѣдствій своихъ поступковъ и не приготовившись держать за нихъ отвѣтъ.

Проф. Даніельсонъ лишь продолжаетъ начатое Немо. И было бы, вопистину, печально, если бы горячая рѣчь послѣдняго осталась гласомъ вопіющаго въ пустынь, не вызвавъ сочувствія или отклика. Несчастье наше только въ томъ, что свобода обсуждения наиболѣе жгучихъ вопросовъ дня крайне стѣснена. А, между тѣмъ, если бы мы имѣли возможность открыто обсуждать наше положеніе и обращаться къ тѣмъ, отъ кого зависитъ наша судьба, какъ могло бы тогда многое измѣниться и какъ благотворно отразилась бы такая свобода обсуждения на утоленіи той душевной муки, которая теперь ищетъ выхода тайными путями, отравляя намъ жизнь и вынуждая насъ къ суровой замкнутости тамъ, гдѣ прямая рѣчь и открытыя дѣйствія были бы истиннымъ спасеніемъ для каждой стороны.

Сравнительно немного, надо полагать, найдется среди насъ лицъ, не согласныхъ съ г. Даніельсономъ въ томъ, что народъ нашъ желаетъ существовать съ честью и имѣть на то полное право. Но, быть можетъ, встрѣтятся и скептики, по мнѣнію которыхъ намъ теперь ничего другого не остается, какъ погибнуть со славою.

Тѣмъ гражданамъ, которые либо буквально положили животъ свой на полѣ брани, либо пожертвовали своими личными интересами для блага народнаго, этимъ гражданамъ благодарное потомство возводитъ мавзолеи и памятники. Поэтому то мы, не колеблясь, ставимъ какого нибудь Вибеліуса на ряду съ борцами, погибшими въ бояхъ. И въ наши дни мы благодарны тѣмъ гражданамъ, которые, въ борьбѣ за право и справедливость, безстрашно слѣдуютъ голосу своей совѣсти, пренебрегая угрожающими имъ опасностями. Но при этомъ необходимо взвѣшивать средства и цѣль; вѣдь правда,—какъ писалъ Снельманъ,—не нуждается въ излишнемъ мученичествѣ, и эти слова человѣка,

много терпѣвшаго за эту самую правду, заслуживаютъ нашего вниманія. Конечно, общеобязательныхъ правилъ на такіе случаи устанавливать невозможно. Для малодушныхъ, предавшихся отчаянію, совершенно безразлично, что теперь предпринять; съ ихъ точки зрѣнія возможенъ одинъ только выходъ, а именно: умереть съ честью, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Однако, отдѣльныя личности, какъ и народы, желаютъ жить и обязаны отстаивать свое существованіе. Смерть, конечно, неизбѣжна, но изъ этого не вытекаетъ, что мы должны ускорять ея наступленіе. Надо попытаться жить съ честью, если еще такая возможность существуетъ. Ни одинъ врачъ, даже самый искусный, не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что только режимъ, имъ предписанный трудно больному, долженъ считаться вѣрнымъ и спасительнымъ для страждущаго, и поэтому всегда готовъ посоветоваться съ товарищами. Такъ же точно и въ нашемъ теперешнемъ положеніи намъ необходимо посоветоваться другъ съ другомъ, необходимо выяснитъ свои взгляды на жгучіе вопросы дня. Не будемъ же судить строго малодушныхъ, потерявшихъ вѣру въ лучшее будущее и жаждущихъ гибели, но не будемъ осуждать и тѣхъ, кто желаетъ жить и надѣется на успѣхъ. Вѣдь, какъ бы то ни было, но въ нашей странѣ всегда останется милліона два такихъ жителей, которымъ эмигрировать невозможно: пусть даже это будутъ одни старики, старухи и дѣти, разъ молодые люди будутъ считать, что отрясая съ ногъ прахъ своей родины, они тѣмъ самымъ съ честью служатъ общему дѣлу. И когда, наконецъ, всѣ малодушные, разочарованные и извѣрившіеся покинутъ поле сраженія, убѣдившись въ томъ, что все погибло, тогда эти самые оставшіеся старики, старухи и дѣти, горько вздыхая, воскликнутъ: «ужели не было никакой возможности жить съ честью!» Для нихъ то именно, насколько я понимаю, и желаетъ работать до послѣдняго профессоръ Даніельсонъ, добиваясь сносныхъ условій жизни. Онъ еще вѣритъ въ лучшее будущее, а также въ спасительность предлагаемой имъ программы дѣйствія. Конечно, абсолютно вѣрныхъ средствъ не существуетъ, и никто, поэтому, не можетъ претендовать на непогрѣшимость. Но кромѣ того въ наше

время трудно высказываться еще и потому, что очень легко быть невѣрно понятымъ. Это, повидимому, испыталъ и проф. Даніельсонъ. Нашлись люди, сумѣвшіе истолковать его брошюру въ томъ смыслѣ, будто онъ приносить въ жертву своей программѣ политическое положеніе родины, будто онъ сжигаетъ свои корабли. А, между тѣмъ, онъ категорически требуетъ, чтобы народъ финскій недвумысленно высказалъ свое правопониманіе, прежде всего при посредствѣ народнаго представительства, затѣмъ при посредствѣ печати, общественнаго мнѣнія и, наконецъ, при посредствѣ должностныхъ лицъ въ установленномъ для этого порядкѣ. Но для того, чтобы эти попытки не остались безъ результата, необходимо себѣ уяснить, что наше правопониманіе побуждаетъ насъ прежде всего стремиться къ спокойной, основанной на взаимномъ довѣріи, совмѣстной дѣятельности Государя и народа. При такихъ условіяхъ, надо полагать, едза ли кто либо изъ насъ откажется направиться къ той цѣли, которую выставляетъ въ своей брошюрѣ г. Даніельсонъ, формулируя ее такъ: «ограничивать совершившуюся бѣду возможно меньшими размѣрами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараться сохранить, если можно такъ выразиться, тотъ мостъ, на которомъ Государь и народъ снова могли бы сойтись для дальнѣйшей совмѣстной работы на почвѣ законности».

Но достижима ли эта цѣль а, главное, къ ней ли ведетъ насъ тотъ образъ дѣйствій, котораго мы до сихъ поръ держались—вотъ вопросъ, на который отвѣты даются самые противорѣчивые. Быть можетъ, абсолютный разрывъ скорѣе привелъ бы насъ къ результату? Или слѣдовало считать путь компромиссовъ болѣе надежнымъ? Кто же съ спокойной совѣстью возьмется рѣшать эти вопросы окончательно! Что ошибки и промахи допущены были во многихъ отношеніяхъ, съ этимъ согласны мы все и, въ числѣ прочихъ, проф. Даніельсонъ. Вопросъ лишь въ томъ, поправимо ли еще дѣло,—но этого сказать также никто не можетъ. А, между тѣмъ, надежда такъ заманчива, такъ трудно съ нею разстаться! Не разстается съ нею и проф. Даніельсонъ, строящій свои упованія не на песокъ, а на урокахъ и на опытѣ нашего прошлаго. Вотъ почему мы охотно соглашаемся съ нимъ,

когда онъ утверждаетъ: «Прошедшее даетъ намъ право относиться съ довѣріемъ къ будущему. Нашъ народъ проявилъ уже свойства, которыя могутъ служить ручательствомъ въ томъ, что финская національность въ нашей странѣ успѣшно вынесетъ самыя тяжелыя испытанія. вмѣстѣ съ тѣмъ наше прошлое даетъ намъ право уповать, что нашъ народъ не подвергнется особенно тяжкимъ испытаніямъ. Событія почти цѣлаго столѣтія въ достаточной степени доказали, что интересы Россіи и Финляндіи по существу совпадаютъ. Будучи въ этомъ глубоко убѣждены, мы не перестаемъ вѣрить, что этотъ же взглядъ найдетъ откликъ и въ соответствующихъ сферахъ Имперіи и, мало-по-малу, изгладитъ рѣзкое различіе во взглядахъ. Допустимъ, что начавшаяся новая эра требуетъ даже большихъ уступокъ и жертвъ съ нашей стороны. Тѣмъ не менѣе, мы не покидаемъ надежды, что зданіе, возведенное въ нашемъ краѣ въ теченіе XIX вѣка по почину дальновидныхъ и великодушныхъ правителей, въ главныхъ чертахъ останется неизмѣненнымъ». Насъ могутъ спросить, какія же это жертвы? Но на этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, въ правѣ отвѣтить только земскіе чины.

Еще въ то время, когда доводы и доказательства, какъ казалось, могли привести къ какимъ нибудь результатамъ въ полемикѣ съ органами російской печати, предпринявшими систематическій походъ противъ политическаго устройства нашей окраины, эти органы наряду съ другими аргументами выставляли и то соображеніе, что, молъ, никакое законодательство не должно останавливаться въ своемъ развитіи и никакой законъ не можетъ быть утверждаемъ на вѣчныя времена. На это газета *Uusi Suometar* вполне резонно возразила: «Развѣ кто нибудь изъ насъ утверждаетъ, что законы должны оставаться вѣчно неизмѣнными? Отнюдь нѣтъ. Какъ разъ наоборотъ, мы всѣ убѣждены въ томъ, что и законодательство должно находиться въ постоянномъ развитіи. Ненарушимымъ при этомъ, по нашему мнѣнію, долженъ лишь оставаться одинъ принципъ, одно руководящее начало, а именно то, что законъ можетъ быть измѣняемъ только въ порядкѣ, самимъ закономъ установленномъ».

На этой точкѣ стоимъ теперь всё мы здѣсь въ Финляндіи, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Что всего болѣзненнѣе отозвалось въ душѣ нашего народа и что, главнымъ образомъ, вызвало то уныніе и ту скорбь, коими полны теперь сердца нашихъ гражданъ, особенно же тѣхъ, коимъ ввѣрена охрана интересовъ нашего края, такъ это именно то обстоятельство, что законъ у насъ измѣненъ неустановленнымъ порядкомъ. Вѣдь это составляетъ фундаментъ всякой конституціи, и вотъ почему, до извѣстной степени, объяснимо, что въ нашихъ основныхъ законахъ не имѣется опредѣленій на тотъ случай, если самый фундаментъ окажется ненадежнымъ. По той же причинѣ проф. Даніельсонъ вполне правъ, когда онъ, излагая обязанности Сената согласно формѣ правленія, утверждаетъ: «Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что основные законы Финляндіи въ общемъ и въ частностяхъ покоятся на предположеніи, что Монархомъ и, прежде всего, именно Имъ, они признаются и соблюдаются. На тотъ случай, если-бы это предположеніе оказалось ошибочнымъ, въ нашихъ законахъ нѣтъ никакихъ опредѣленій». Правъ онъ также и въ томъ случаѣ, когда, развивая свою мысль далѣе, говоритъ: «Должностныя лица, при такихъ условіяхъ, либо подчиняются, либо уходятъ съ общественной арены и возвращаются къ частной жизни. Что именно чиновникъ въ томъ или другомъ случаѣ долженъ дѣлать, какъ именно поступать,—это не можетъ быть опредѣлено въ писанномъ законѣ; образъ дѣйствія его опредѣляется тутъ въ зависимости отъ собственнаго его представленія о благѣ и преуспѣяніи родины». И то, и другое, какъ извѣстно, происходило на нашихъ глазахъ: иные подчинялись, другіе возвращались къ частной жизни.

Касаясь новаго устава о воинской повинности, необходимо отмѣтить, что въ этомъ дѣлѣ, собственно говоря, два обстоятельства взволновали до глубины души всё слои финскаго народа: во первыхъ то, что самый законъ измѣненъ былъ въ порядкѣ, неустановленномъ нашими основными законами, а, во вторыхъ то, что расформированіе финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ является какъ бы актомъ недовѣрія къ лойальности населенія,

къ чему оно поводовъ не давало никогда. У насъ хотѣли обнару-
жить не только проявленіе сепаратизма, т. е. воплнѣ законнаго,
свойственнаго каждому отдѣльному народу, какъ и отдѣльной
личности, желанія жить своею особою жизнью, но и государ-
ственную измѣну въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ чемъ
такая измѣна могла бы состоять, разъ является несомнѣннымъ,
какъ то доказываетъ и проф. Даніельсонъ, что никто въ Финлян-
діи не можетъ представить себѣ будущности своей родины иначе,
какъ въ неразрывномъ соединеніи съ россійскою державою—это
понять человѣку въ здоровомъ умѣ не легко. Но ясно, что есте-
ственная, такъ сказать, необходимость вынудила нашъ народъ
дать волю той скорби, которую причинила ему эта обидная
подозрительность. Произошло это путемъ прямого всеподданнѣйшаго
обращенія къ Державному нашему Государю и Великому Князю,
т. е. тѣмъ способомъ, къ которому народъ нашъ въ години
бѣдствій прибѣгалъ не однажды за истекшее столѣтіе. Быть
можетъ, насъ и можно упрекнуть въ томъ, что не всегда удачно
была избрана самая форма, но, вѣдь, изверженіе вулкана тоже
не слѣдуетъ правиламъ корректности. Рассказываютъ еще, что
во время засѣданій многихъ общинъ произносились рѣчи и
совершались дѣйствія, характеризующія настроеніе умовъ. Такія
явленія неизбѣжны, и едва ли возможно предупредить ихъ какими
бы то ни было мѣрами. Но разъ заявленіе сдѣлано, притомъ
такое заявленіе, которое несомнѣнно оставитъ свой слѣдъ въ
будущей нашей исторіи, то тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, надо
позаботиться, чтобы чувство собственнаго достоинства нашего
народа при этомъ не пострадало.

Многое въ той программѣ, которую проф. Даніельсонъ начер-
талъ для будущей дѣятельности нашего народа, будетъ, вѣроятно,
одобрено большинствомъ нашихъ гражданъ, а, прежде всего, выста-
вляемое авторомъ брошюры требованіе: возстановить законную
почву, на которой могла бы вновь начаться непрерывная сов-
мѣстная работа Монарха и народа и, соотвѣтственно съ тѣмъ,
согласовать свой образъ дѣйствій. На счетъ деталей и частно-
стей, разумѣется, мнѣнія будутъ различны, но остается пожелать,

чтобы они могли быть высказаны съ достаточной свободой. Во всякомъ случаѣ, проф. Даніельсону должно быть поставлено въ заслугу, что онъ, не поддаваясь господствовавшей въ умахъ сумятицѣ, сумѣлъ высказаться ясно и убѣдительно и этимъ далъ поводъ къ дальнѣйшему обмѣну мыслей въ указанномъ направленіи. Своею брошюрою онъ значительно расчистилъ горизонтъ и многимъ помогъ составить себѣ болѣе полное и прочно обоснованное представленіе о вопросахъ дня и видахъ на будущее. Если же, повторяю еще разъ, желанное возстановленіе почвы законности не окажется достижимымъ, тогда, конечно, все должно рухнуть, но пусть же это крушеніе, по крайней мѣрѣ, произойдетъ помимо *нашей* вины.

Ясно само собою, что мы не можемъ до безконечности довольствоваться однимъ лишь пассивнымъ сопротивленіемъ, разувѣрившись въ лучшемъ будущемъ и отказавшись, въ то же время, отъ всякой созидательной работы на пользу родины. Однако, при этомъ нельзя забывать, что въ сферѣ политическихъ отношеній приходится считаться съ силами, которыя намъ не подчинены, почему многое здѣсь придется строить лишь на догадкахъ и предположеніяхъ. Но какой бы путь мы ни избрали, безспорно то, что мы должны дѣйствовать, по возможности, всѣ вмѣстѣ. Это обстоятельство съ особенной силой подчеркнул Нето, а профессоръ Даніельсонъ продолжаетъ постройку на заложенномъ фундаментѣ. Какъ прежде, такъ и теперь остается неопровержимой та истина, что одни привилегированные и образованные классы, состоящіе по преимуществу изъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ, не могутъ, сами по себѣ, обезпечить странѣ благополучное будущее, если не будетъ привлеченъ къ дѣятельному участию въ благотворной работѣ весь народъ, воспитанный на горячей любви родинѣ. Новыя времена предъявляютъ къ намъ и новыя требованія. Первоначально предполагалось, что народъ можетъ принять участіе лишь въ культурной и экономической работѣ, для чего признавалось достаточнымъ озаботиться развитіемъ языка народной массы и предоставленіемъ этому языку подобающихъ правъ. Вопросъ объ участиіи того же народа въ политической жизни края

быль еще совершенно невыясненъ, а большинство образованныхъ людей даже боялось вѣрить въ его возможность. Теперь времена иныя; теперь выступили на арену новые народные слои, чувствующие себя, пока, какъ бы безправными паріями въ родной странѣ, но, тѣмъ не менѣе, уже требующіе полныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ.

На первомъ планѣ какъ Нето, такъ и проф. Даніельсонъ трактуютъ вопросъ о языкахъ. Нето раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что существующія еще въ этой области несообразности успѣшнѣе всего могутъ быть устранены путемъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ, второй же авторъ считаетъ, что для этой цѣли необходимъ законодательный актъ. Въ связи съ этимъ важно запомнить, что Сенатъ, представляя въ 1898 году свое отрицательное заключеніе по вопросу о мѣрахъ, вызываемыхъ поданной тогда крестьянами петиціей, въ то же время испрашивалъ разрѣшенія составить всеподданнѣйшее предложеніе, содержащее проектъ закона объ уравненіи правъ обоихъ мѣстныхъ языковъ. Это наслѣдство принялъ отъ своего предшественника Сенатъ въ нынѣшнемъ его составѣ; возможно ли, такъ сказать, отказаться отъ наслѣдства—это вопросъ неразрѣшимый для неосвященнаго. Но, независимо отъ всего этого, стали у насъ появляться касательно языка присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ постановленія, самымъ прискорбнымъ образомъ отодвинувшія въ сторону весь вопросъ о нашихъ мѣстныхъ языкахъ. Для продолженія этой, уничтожающей наше національное существованіе, дѣятельности, не нужны поводы съ нашей стороны. Положеніе обоихъ мѣстныхъ языковъ мы, конечно, сумѣемъ урегулировать; теперь вопросъ въ томъ, чтобы путемъ постановленія оградить наши туземные языки вообще. Если, затѣмъ, можно доказать, что проектъ закона, въ существенныхъ чертахъ согласующійся съ проектомъ петиціи, приведеннымъ въ брошюрѣ проф. Даніельсона, дѣйствительно поведетъ къ нарушенію правъ которой либо стороны, то, конечно, такой законъ никѣмъ одобренъ не будетъ. Но и помимо всего этого много еще доброй воли отъ насъ потребуется, а, главное, умѣнья не видѣть угнетенія тамъ, гдѣ просятъ только справедливости.

За улучшение нашей избирательной системы высказываются согласно какъ Нето, такъ и проф. Даніельсонъ. И, въ концѣ-концовъ, устранить эту реформу невозможно на томъ лишь основаніи, будто вопросъ касается одного только городского сословія. Проф. Даніельсонъ ясно и опредѣленно требуетъ *такого* же точно закона для крестьянства. Нельзя, далѣе, оспаривать ея необходимость и тѣмъ соображеніемъ, что никакого проекта о реорганизаціи дворянства и духовенства не составлялось. Организация этихъ двухъ сословій, безъ сомнѣнія, устарѣла, но она не основывается на избирательномъ цензѣ, во первыхъ, а, во вторыхъ, всякая перемѣна въ этой области повлечетъ за собой такую коренную реформу всего нашего правового строя, о которой мы теперь и думать не можемъ. Не нами создано такое положеніе вещей, которое вынуждаетъ насъ подвигаться впередъ только шагъ за шагомъ. Затѣмъ предлагались еще проекты измѣненія избирательнаго ценза. Проф. Даніельсонъ, повидимому, достаточно краснорѣчиво доказалъ, почему онъ самъ и его единомышленники отказались отъ тѣхъ взглядовъ, которыхъ онъ придерживался во время сейма 1885 г., а многіе и послѣ того. Произошло это, какъ онъ утверждаетъ, по чисто практическимъ соображеніямъ: тогда думали, что реформу въ указанномъ направленіи легче было бы провести. Но дѣйствительность показала, что расчетъ былъ невѣренъ. Противники реформы, наоборотъ, доказывали, что полное упраздненіе избирательнаго ценза принесло бы намъ бѣльшее единеніе. Однако, и въ этомъ воцросѣ жизнь шагнула впередъ. Новые слои народа теперь доросли до политическаго самосознанія и тоже стали домогаться своихъ правъ. Задача ближайшаго будущаго, поэтому, будетъ заключаться въ воздѣйствіи на согражданъ путемъ убѣжденія, и къ такой то дѣятельности призываетъ образованныхъ людей проф. Даніельсонъ. Работа эта, надо надѣяться, принесетъ плоды.

Мнѣ хотѣлось лишь объяснить, почему я взялся перевести брошюру проф. Даніельсона. Но укоренившаяся во мнѣ привычка говорить объ общественныхъ дѣлахъ еще разъ побудила меня коснуться затронутыхъ въ брошюрѣ вопросовъ. Охотно соглашаюсь

съ тѣми, кто полагаетъ, что, строго говоря, мое время уже прошло. Однако, могу сказать въ свое оправданіе, что на сей разъ бѣда оказалась не большою: прибавилось только нѣсколько лишнихъ страницъ въ книгѣ, которая и сама по себѣ сумѣетъ привлечь вниманіе читателя и, по меньшей мѣрѣ, вызоветъ насъ на дальнѣйшее обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ нашего существованія.

А. М.

I.

Недавно вышла изъ печати въ изданіи товарищества Отава политическая брошюра «Всѣ вмѣстѣ, размышленія Немо», обратившая на себя общее вниманіе. Всѣ знаютъ, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ дѣятелей нашего края, обнаружившій крупный талантъ и неутомимую работоспособность не только въ качествѣ директора весьма обширныхъ частныхъ предпріятій, но и какъ чиновникъ на высшихъ ступеняхъ администраціи. Выступивъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ въ качествѣ политическаго писателя, онъ какъ тогда, такъ и въ послѣднее время постоянно старался поддерживать лучшія традиціи либеральной партіи. Поэтому финская партія никогда не считала его по существу своимъ противникомъ: столько у нея было общаго съ нимъ въ воззрѣніяхъ. Если, однако, по главнымъ спорнымъ вопросамъ финноманамъ, болышею частью приходилось видѣть его стоящимъ ближе къ противной партіи, то это лишній разъ свидѣтельствовало, насколько трудно даже талантливому человѣку сдѣлать рѣшительный, вытекающій изъ его принциповъ шагъ, когда привычка, среда и узы дружбы увлекаютъ его въ другую сторону.

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что послѣдніе годы, сопровождавшіеся для насъ такими потрясеніями, повидимому, значительно ослабили эти узы. Въ особенности сказывается освобожденіе отъ нихъ въ послѣдней брошюрѣ Немо. Какъ и раньше, авторъ ея выступаетъ въ роли посредника, но остріе его доводовъ исключительно направлено противъ шведской партіи и прежнихъ

его сторонниковъ либераловъ. Въ своей брошюрѣ Немо горячо и талантливо высказывается именно въ пользу тѣхъ задачъ, осуществленіе которыхъ, въ особенности въ серединѣ восьмидесятихъ годовъ, составляло цѣль политическихъ стремленій финской партіи, но которыя по сіе время встрѣчали со стороны свекомановъ рѣшительное сопротивленіе.

Будущее покажетъ, окажется ли Немо въ состояніи, совершивъ лично такой поворотъ, увлечь за собою тѣ слои общества, на которыхъ финноманы воздѣйствовать не могутъ. Если бы ему удалось хотя бы парализовать этимъ дѣйствіе свекоманскихъ тормазовъ, то его брошюра имѣла бы важное значеніе во внутренней жизни нашихъ партій. Не только граждане всего края вообще, но и элементы народнаго представительства снова почувствовали бы тогда подъ собою одну и ту же почву. Мы освободили бы тогда себя, насколько это отъ насъ зависитъ, отъ тяжелаго наслѣдія прошлаго, отъ обязательствъ, къ несчастію финскаго народа, слишкомъ долго остающихся неисполненными; съ бодрымъ духомъ мы могли бы приступить къ выдвигаемымъ новою эрою задачамъ, требующимъ отъ насъ всего нашего ума, всей силы и любви нашей. И не тревожило бы тогда уже спокойствія нашей души сознаніе, что самая опасная изъ опасностей есть внутренній, непримиримый разладъ.

Пусть эти картины будущаго лишь пустыя мечты! Во всякомъ случаѣ вѣскія слова Немо не могутъ остаться безслѣдными; многихъ читателей они заставятъ задуматься надъ нашимъ положеніемъ. Даже независимо отъ послѣдствій, брошюра явилась честною, искреннею попыткою возстановить миръ и согласіе среди распавшихся на группы гражданъ края. Поэтому она заслуживаетъ болѣе чѣмъ почтительнаго отзыва. Она обязываетъ и автора настоящихъ строкъ, уже ранѣе дѣлившагося съ обществомъ своими политическими воззрѣніями, открыто высказать, что онъ думаетъ о проводимыхъ въ брошюрѣ взглядахъ вообще и въ частности. Въ особенности мы, финноманы, къ которымъ Немо нынѣ значительно приблизился, поступили бы несправедливо, если бы не откликнулись на его воззваніе къ совмѣстной дѣятельности и, съ своей стороны, не заявили, въ чемъ мы можемъ съ нимъ вполне

согласиться и относительно чего необходимо еще вести переговоры для достиженія единогласія.

Приступая, съ своей стороны, къ этой задачѣ, считаю своимъ долгомъ оговориться, что я не являюсь чѣмъ нибудь уполномоченнымъ и говорю только отъ своего имени. Мнѣ, однако, думается, что финская политическая партія, т. е. старофинноманы, въ основныхъ чертахъ присоединится къ тому, что мною будетъ ниже изложено. Но, насколько отдѣльные члены этой партіи готовы раздѣлить мои взгляды по отдѣльнымъ вопросамъ,—это мнѣ, при нынѣшнихъ запутанныхъ условіяхъ, неизвѣстно.

Другое обстоятельство, на которое обращаю благосклонное вниманіе читателей, состоитъ въ созданномъ нынѣшними цензурными условіями затрудненіи высказывать взгляды такимъ образомъ, чтобы не оставалось мѣста для извращеній. Немо этихъ затрудненій не убоился; я также держусь того мнѣнія, что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать хотя бы попытку открыто, подъ законною отвѣтственностью, обмѣняться мыслями, прежде чѣмъ уступать мѣсто одностороннимъ и вводящимъ въ заблужденіе сочиненіямъ анонимныхъ писателей, въ каковыхъ при подобныхъ условіяхъ никогда недостатка не будетъ.

II.

Немо начинаетъ свое изложеніе съ воспоминанія о томъ, какое могучее чувство солидарности, какое великое общее горе и какое общее увлеченіе овладѣли всѣмъ населеніемъ края въ тѣ памятные дни, когда произошли событія, которыхъ никто не предвидѣлъ и которымъ никто не хотѣлъ вѣрить. Всѣ чувствовали, что финскій народъ долженъ былъ, какъ одинъ человекъ, приступить къ совмѣстной дѣятельности, и среди прежнихъ партійныхъ враговъ чувство примиренія сдѣлалось всеобщимъ.

Это описаніе вполнѣ вѣрно. Но Нето идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что прежнія стремленія партій оказались «ничтожны-ми»¹⁾ въ сравненіи съ тѣми задачами, на которыхъ тогда остановились мысли всего народа. Съ точки зрѣнія финномановъ эти слова не могутъ быть признаны соотвѣтствующими дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что для нихъ не существовало разницы между прежними задачами нашей партіи и тою, выполненію которой всѣ предавались въ то время съ такимъ усердіемъ. Обѣ слились въ нашихъ глазахъ въ одну. Измѣнившіяся условія вызвали, быть можетъ, въ нѣкоторой степени измѣненіе формы; содержаніе же должно было остаться по существу тѣмъ же, какъ и прежде.

Ибо, еще со временъ Арвидсона и Снельмана, стремленія финномановъ сводились всегда къ тому, чтобы упрочить наше національное единство. И это-то единство являлось тѣмъ свѣтлымъ идеаломъ, который давалъ намъ силу вынести ожесточенную борьбу даже съ нашими соотечественниками. Созданіе финской литературы и устраненіе существующихъ въ разныхъ областяхъ администраціи и общественной жизни несообразностей относительно мѣстныхъ языковъ—вотъ чѣмъ надо было заполнить пропасть, отдѣляющую шведскій высшій классъ отъ громаднаго большинства народа. Надо было призвать низшіе слои общества къ совмѣстной дѣятельности и возбудить въ нихъ чувство принадлежности къ одному цѣлому, а также общую надежду на будущее. Изъ этого логически вытекало стремленіе улучшить и политическія избирабельныя условія.

Финноманы,—по крайней мѣрѣ тѣ кружки, гдѣ я живу и бываю,—ни на минуту не думали признавать эти прежнія стремленія ничтожными. Напротивъ того, все, что случилось, укрѣпило въ насъ убѣжденіе, что, только продолжая и осуществляя ихъ, финскій народъ въ состояніи будетъ вынести самыя тяжелыя испытанія. *In hoc signo vinces.* Намъ казалось, что безъ этого фундамента, всѣ остальные мѣры къ упроченію будущности нашего народа, какъ бы справедливы и необходимы онѣ сами по себѣ ни были, будутъ лишены прочнаго значенія.

1) Курсивъ въ подлинникѣ.

Весною 1899 года мыслящіе финноманы не могли не считать себя обязанными еще болѣе, чѣмъ прежде, прилагать всѣ усилія и старанія къ осуществленію въ предѣлахъ возможнаго исконной программы финноманской партіи. Тотъ подъемъ духа, которымъ воспользовались тогда прежніе противники, для того, чтобы обратиться къ содѣйствію всего народа и, въ частности, именно большинства его, говорящаго по фински, вызвало во многихъ радостную надежду, что тѣ сферы поймутъ наконецъ, ради чего Снельманъ такъ упорно настаивалъ на переустройствѣ на финскій ладъ нашего культурнаго и политическаго строя.

До сихъ поръ надежды эти не особенно оправдались, но, во всякомъ случаѣ, брошюра *Nemo* служитъ доказательствомъ, что онѣ не были лишены нѣкотораго основанія. Уже въ началѣ ея, въ видѣ эпиграфа, мы читаемъ слѣдующія слова Снельмана: «Избѣгнетъ-ли Финляндія этого тяжелаго дня? Исторія не даетъ на это никакой надежды. Да не наступитъ онъ только прежде, чѣмъ совершится это великое обновленіе, прежде, чѣмъ онъ встрѣтитъ здѣсь единодушный народъ». И дальше авторъ открыто заявляетъ: «Даже тотъ, кто раньше былъ самымъ яркимъ противникомъ программы финноманской партіи, долженъ, если онъ только неослѣпленными глазами посмотритъ на дѣло, съ трепетомъ въ душѣ спросить себя: гдѣ бы мы были, какое было бы теперь наше положеніе, если бы не существовала прогрессивная финская партія и если бы самъ народъ оставался чуждымъ и равнодушнымъ ко всѣмъ нашимъ стремленіямъ какъ въ политической, такъ и общественной жизни». Нельзя, кажется, съ болшею силою признать успѣховъ, достигнутыхъ уже финноманскимъ движеніемъ, ни яснѣе указать, что для преуспѣянія и существованія отечества мы безъ устали должны идти по этому пути, приближаясь по возможности къ намѣченной цѣли.

Повѣдавъ о томъ, какъ—наряду съ горемъ—всѣ были объаты чувствомъ примиренія и солидарности, авторъ такъ описываетъ послѣдовавшее горькое разочарованіе. «Значительное разногласіе обнаружилось въ вопросахъ, по которымъ нельзя было ожидать ничего другого, кромѣ полнаго согласія. Но въ этомъ

еще не вся бѣда. Разномысліе во взглядахъ по вопросамъ, глубоко захватывающимъ жизнь каждаго человѣка и цѣлаго общества,— явление обычное у всѣхъ народовъ и во всѣхъ обществахъ; этого избѣжать нельзя. Но рядомъ съ этими новыми, обнаружившимися у насъ въ это время, разногласіями, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ шагомъ, повидимому, исчезаютъ и тѣ остатки взаимнаго уваженія, терпимости по отношенію къ разномыслящимъ и вѣры въ честныя побужденія другихъ, которыя, казалось, еще сохранились, несмотря на прежнія партійныя распри. Ибо врядъ ли когда либо замѣчалась такая интенсивная озлобленность, такія язвительныя насмѣшки, такая оскорбительная подозрительность, какъ во время нынѣшней внутренней борьбы».

Отрицать правдивость этой печальной картины нельзя. Единственное замѣчаніе, которое я хотѣлъ бы сдѣлать, заключается въ томъ, что послѣдовавшія за ударомъ первыя недѣли или мѣсяцы сохранились въ памяти автора въ видѣ времени идеальнаго единодушія, ненарушеннаго, будто бы, никакой дисгармоніею. Къ сожалѣнію, исторія врядъ ли можетъ признать это сужденіе справедливымъ. Ибо здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, возникшія на почвѣ общаго огорченія страсти, злоба, подозрительность и ненависть уже съ самаго начала проявились во всей страшной наготѣ. Забывались даже самыя обыкновенныя требованія деликатности. Не щадили даже невинныхъ семействъ ненавистныхъ людей, подвергая ихъ личнымъ оскорбленіямъ.

Немного дальше авторъ продолжаетъ: «Гдѣ же кроются причины этой раздирающей насъ несчастной внутренней распри?— вотъ вопросъ, который при подобныхъ условіяхъ не можетъ не возникнуть у каждаго мыслящаго человѣка». Онъ какъ бы обращается съ этимъ вопросомъ къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ и слышитъ ихъ отвѣты. Одна говоритъ: «Мы боремся за правду. То, что справедливо, то вмѣстѣ съ тѣмъ и благо разумно. Между правдою и неправдою не можетъ и не должно быть посредствующихъ понятій, на почвѣ которыхъ могла бы состояться какая либо сдѣлка. Одно изъ двухъ. Всякая уступка—опасный признакъ слабости». Другіе же отвѣчаютъ: «Въ дѣйствительной жизни,

на практикѣ нѣльзя считать вѣрнымъ одинъ путь, а всѣ прочіе невѣрными. Дѣло тутъ не въ отвлеченномъ понятіи о томъ, гдѣ больше правды, а въ томъ, что въ данномъ случаѣ возможно и благоразумно. Государственный дѣятель, несущій на своихъ плечахъ всю отвѣтственность, долженъ руководствоваться исключительно своимъ убѣжденіемъ».

Въ сужденіяхъ той и другой стороны замѣтна одна «общая черта: предположеніе, что противники руководятся какими-то посторонними побужденіями, а не дѣйствительнымъ искреннимъ убѣжденіемъ въ томъ, чего требуетъ общее благо». И въ этомъ именно Нето видитъ одну изъ главныхъ причинъ господствующей вражды. Въ энергичныхъ словахъ, которыя идутъ отъ сердца и, какъ остается желать, проложить себѣ дорогу во многія сердца, онъ возстаетъ противъ этого предположенія и вытекающихъ изъ него оскорбленій.

Каждый взрослый гражданинъ обязанъ по тщательномъ размышленіи составить себѣ опредѣленное мнѣніе о всѣхъ общественныхъ вопросахъ. Когда онъ это сдѣлалъ, онъ въ правѣ сказать: я убѣжденъ, что мое мнѣніе вѣрно. «Но онъ не въ правѣ утверждать: я, безспорно, правъ, а остальные неправы». Еще менѣе онъ въ правѣ заявлять, что сторонники противоположныхъ воззрѣній сами сознаютъ свою неправоту и дѣйствуютъ противъ своего убѣжденія. Подобное обвиненіе является «оскорбительнымъ для того, на кого оно взводится, и позорящимъ тѣхъ, кто его высказываетъ». «Человѣкъ, который требуетъ, чтобы его самого считали дѣйствующимъ по внутреннему убѣжденію, не имѣетъ права обвинять другого въ противоположномъ, если онъ не можетъ подтвердить своихъ словъ самыми неопровержимыми доказательствами; а кто же въ состояніи заглянуть въ душу другого и взвѣсить его мотивы?» Мало того. Такое оскорбленіе очевидно лишено всякаго основанія. У насъ, какъ и повсюду, могутъ найтись люди, которые въ своихъ поступкахъ руководятся менѣе благородными побужденіями, но можно ли допустить предположеніе, что въ моментъ, когда идетъ рѣчь о существованіи цѣлой націи, многочисленная группа гражданъ, Богъ вѣсть по какимъ

мотивамъ отрѣшилась отъ чувства долга по отношенію къ своему отечеству и народу. «Итакъ, долой все пагубныя обвиненія разномыслящихъ! Кто-то сказалъ, что когда сограждане начинаютъ обвинять другъ друга въ трусости, эгоизмѣ, отсутствіи патриотизма и т. д., то въ этомъ слѣдуетъ видѣть признакъ политическаго упадка. Поистинѣ, мы не можемъ позволить себѣ дойти до такого состоянія».

Авторъ упоминаетъ далѣе, какъ усвоенная тактика вести борьбу при помощи заподозрѣваній и оскорбленій привела, наконецъ, къ уличнымъ беспорядкамъ. Не мѣшало бы ему пойти дальше и рассказать, что случилось впоследствии. Ибо, въ сравненіи со скандальнымъ дѣломъ, возбужденнымъ Г. Ионасомъ Кастреномъ и компаніею противъ лица, которому, послѣ Снелмана, мы больше всего обязаны тѣмъ, что стремленія финномановъ стали великимъ, проникающимъ всю нашу политическую и общественную жизнь, движеніемъ, въ сравненіи съ этимъ «дѣломъ объ оскорбленіи чести», означенные уличные беспорядки имѣютъ ничтожное значеніе для оцѣнки приѣмовъ борьбы съ противникомъ. Беспорядки эти были лишь минутною вспышкою, грубою необдуманностью, въ нихъ не участвовалъ ни одинъ сколько нибудь извѣстный или вліятельный человекъ. Напротивъ того, означенное «дѣло» было замышлено за нѣсколько недѣль и велось мѣсяцами, — лучше даже не называть, — какими способами; его зачинщики въ теченіе многихъ лѣтъ были, или, по крайней мѣрѣ, считали себя, руководителями общественнаго мнѣнія. Авторъ настоящей брошюры рѣдко когда чувствовалъ себя настолько подавленнымъ, какъ въ то время, когда онъ стоялъ передъ Гельсингфорскимъ ратгаузскимъ судомъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля по скандальному дѣлу, о которомъ ему ничего не было извѣстно. Тѣ оскорбительныя обвиненія и инсинуаціи, которыми такъ осыпали не только обвиняемаго, но и одного неявившагося въ судъ свидѣтеля, заставили меня краснѣть за мой народъ, смотрѣвшій равнодушно и, повидимому, отчасти съ злорадствомъ на это зрѣлище, и краснѣть также за наше судоустройство, допустившее подобное зрѣлище. Ясно

сознавалъ я тогда справедливость приведенныхъ мною выше словъ Немо объ упадкѣ нравовъ.

Если мы не совсѣмъ ошибаемся, Немо, въ своей брошюрѣ, имѣетъ въ виду ту травлю, которая года три уже ведется противъ престарѣлаго руководителя финской партіи. Всѣ, должно быть, помнятъ, какъ Юхани Ахо прошлою зимою объяснилъ возникновеніе разлада. Финноманы первоначально, будто бы, были крайне удивлены образомъ дѣйствія старца, но когда критика его воззрѣній превратилась въ личныя на него нападки, то стадо подумало, что руководитель то, пожалуй, правъ и теперь, какъ раньше. Начали защищать сперва его личность, а затѣмъ—сами не замѣчая того—и его взгляды». Вотъ къ чему приводитъ стадность! Иными словами: глубокое, проникшее въ народъ, принципиальное разногласіе началось съ того, что финноманы, и, въ частности, сторонники газеты «Uusi Suometar», въ своей защитѣ не сумѣли отличить лица отъ дѣла. Немо и Юхани Ахо располагаютъ не одинаковыми данными для того, чтобы описывать политическую борьбу, а первый недостаточно беллетристъ, чтобы заимствовать изъ комедіи Скриба «Le verre d'eau» свою философію исторіи. Ему разногласіе послѣднихъ лѣтъ представляется вполне естественнымъ и почти необходимымъ, хотя онъ не можетъ не осуждать строго самаго способа веденія борьбы. Несмотря на это, Немо находитъ, однако, что личныя оскорбленія, нанесенныя нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, заставили иныхъ изъ ихъ друзей, безъ иного основанія, примкнуть къ ихъ воззрѣніямъ. Не смѣю утверждать, чтобы психологическое объясненіе Юхани Ахо, съ этою оговоркою, было совсѣмъ голословно. Одно только могу удостовѣрить: очень многіе финноманы, считавшіе безусловнымъ долгомъ чести доказать, что финскій народъ не окажется неблагодарнымъ къ лицу, пользовавшемуся такъ долго его довѣріемъ, въ то же время съ сокрушеніемъ слѣдили за его образомъ дѣйствій, начиная съ того времени, когда онъ представилъ свое извѣстное особое мнѣніе по протоколу Сената, и вплоть до событій послѣднихъ недѣль. И такое же право критики существуетъ относительно всѣхъ другихъ сторонниковъ партіи.

Суть брошюры Немо сводится, слѣдовательно, къ тому требованію, чтобы и при наличности дѣйствительнаго разногласія и вытекающей отсюда необходимости борьбы, мы избѣгали всякихъ неосновательныхъ заподозрѣваній и оскорбленій. И въ самомъ дѣлѣ будетъ достигнуто очень много, когда это требованіе будетъ исполняться. Только тогда мы, съ надеждою на полный успѣхъ, можемъ сдѣлать попытку ближе сопоставить разные взгляды. А въ этомъ то вся суть. Если намъ, по главному нашему политическому вопросу, не удастся создать общаго, твердо раздѣляемаго наиболѣе разумными элементами нашего народа мнѣнія, то мы будемъ бросаться изъ одной крайности въ другую, отъ безнадежной праздности или постыднаго раболѣпства къ самымъ рискованнымъ, головоломнымъ затѣямъ.

Въ этомъ отношеніи виды на успѣхъ еще невелики. Немо настолько, однако, прочистилъ къ этому путь, что, казалось бы, пора приступить къ переговорамъ. Тогда увидимъ, возможенъ ли вполнѣ откровенный обмѣнъ мнѣній по вопросу, затрогивающему жизненные интересы нашего народа, или же, при всей его объективности и лойальности, придется вести объясненія съ исключеніемъ гласности.

У насъ финновъ есть любимая поговорка: «правда унаслѣдуетъ міръ». На нее мы уповаемъ, на ней каждый изъ насъ въ отдѣльности и весь народъ нашъ въ совокупности привыкъ строить нашу будущность. Изъ нея вытекаетъ также то законопослушаніе, которое мы такъ охотно считаемъ одною изъ характерныхъ чертъ финновъ. Но нельзя отрицать, что многими смѣшивается при этомъ правда и ея обычное внѣшнее проявленіе—писанный законъ. Долго мы были слишкомъ склонны думать, что если только наши акты въ порядкѣ и торжественныя удостовѣренія Монарховъ говорятъ за насъ, то побѣда въ концѣ концовъ окажется на нашей сторонѣ. При этомъ забываютъ, что исторія безпощадно устраняетъ всѣ формальныя права, которыя болѣе не соотвѣтствуютъ существующимъ условіямъ и что, поэтому, наши отношенія къ Россіи въ концѣ концовъ будутъ зависѣть не отъ содержанія старинныхъ манифестовъ, а отъ того, въ какой степени наше

положеніе въ соединеніи съ Имперіею будетъ согласоваться съ существенными интересами не только нашего края, но и всего государства. Но наши предположенія относительно будущаго основываются всегда, въ значительной степени, на томъ, какъ мы понимаемъ оставшуюся позади насъ эпоху. Поэтому неизбѣжно возникаетъ вопросъ: принесло ли присоединеніе Финляндіи къ Россійскому государству до сихъ поръ обѣимъ странамъ ту пользу, которой отъ него, на разумныхъ основаніяхъ, можно было ожидать? Всякій,—будь онъ финляндецъ или русскій,—кто въ этомъ отношеніи не составилъ себѣ положительнаго, основаннаго на фактахъ мнѣнія, рискуетъ всегда, представляя себѣ будущее, впасть въ пустую политическую болтовню или стать слѣпымъ орудіемъ страстей.

Этотъ вопросъ уже тысячу разъ поднимался у насъ, но, въ виду важности его, онъ требуетъ новаго разсмотрѣнія. Ибо и у насъ многочисленныя группы гражданъ основываютъ свой отвѣтъ болѣе на инстинктивномъ чувствѣ, чѣмъ на фактическихъ данныхъ. Еще въ большей степени это обстоятельство касается русской періодической прессы. Поэтому я постараюсь въ слѣдующей главѣ вникнуть поглубже въ этотъ вопросъ, хотя и не думаю, что могу сказать о немъ что либо существенно новое.

III.

При наступленіи XIX столѣтія, взаимное положеніе сѣверныхъ державъ было совершенно инымъ, нежели въ настоящее время. Шведскія владѣнія простирались до рѣки Кюммене, и еще не далѣе, какъ въ войну 1788—1790 г.г., опасность угрожала самому Петербургу. То обстоятельство, что Свеаборгская крѣпость находилась въ рукахъ враговъ, постоянно служило весьма серьезною угрозою миру. Подобное положеніе вещей невольно наводило

на мысль объ оттѣсненіи шведовъ до западныхъ береговъ Ботническаго залива и о включеніи Финляндіи, тѣмъ или инымъ способомъ, въ сферу власти Имперіи и подъ ея вліяніе. Этому требовала безопасность столицы, и при иныхъ условіяхъ будущность Россіи, какъ великой державы, не могла быть обезпеченной.

Главнѣйшей задачей представлялось отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи. Какое бы правовое положеніе нашъ край вслѣдствіе этого ни получилъ, было во всякомъ случаѣ ясно, что его неспособность самостоятельно вести внѣшнюю политику должна будетъ поставить его въ вассальныя отношенія къ могущественному сосѣду. Уже въ 1742 году Императорское правительство, знаменитымъ манифестомъ Елизаветы Петровны, обѣщало финнамъ поднять ихъ отечество на уровень самостоятельнаго и независимаго отъ другихъ державъ государства. Этимъ хотѣли склонить финляндцевъ оказать свое содѣйствіе изгнанію Шведовъ. И, по той же причинѣ, въ слѣдующемъ году русскій посланникъ въ Стокгольмѣ поддерживалъ неудовольствіе финляндцевъ и старался помочь ихъ стремленіямъ добиться самостоятельности, каковыя стремленія обнаружались въ эпоху Аньяльской конфедераціи и снискали себѣ благосклонную поддержку Екатерины II. Когда, поэтому, Александръ I, по заключеніи мира и союзнаго договора въ Тильзитѣ, рѣшилъ воспользоваться предоставленнымъ ему Наполеономъ случаемъ завоевать Финляндію, онъ тѣмъ самымъ совершилъ актъ, необходимость котораго въ то время сознавали, быть можетъ, и не всѣ, но осуществленіе котораго вызывалось самыми насущными интересами русской политики.

Напротивъ того, опредѣлить, чего именно требовали интересы Финляндіи и ея населенія, — представлялось въ то время совершенно невозможнымъ. Можно было допустить, конечно, что Финляндія, въ соединеніи съ Россіей, перестанетъ служить ареной вѣчной борьбы. Равнымъ образомъ, весьма вѣроятно было и то, что включеніе Финляндіи въ сферу Россійскаго государства повлечетъ за собою еще и другія, гораздо болѣе существенныя, выгоды для этого края. Въ XVIII столѣтіи надъ нашимъ народомъ

разразился ударъ, который былъ тягчайшимъ изъ всѣхъ постигшихъ его бѣдствій: національная территорія была разорвана— Россія завоевала ея юго-восточную часть. Если бы такая же судьба постигла и остальную территорію Финляндіи, то разлученные братья вновь подали бы другъ другу руку, и условія національнаго существованія въ будущемъ были бы, казалось, тѣмъ самымъ обеспечены. Не было ли, однако, такое будущее скорѣе порожденіемъ обманчивыхъ надеждъ?

Положеніе юго-восточной Финляндіи доказывало именно, что если бы финскій народъ и слился воедино цѣною подчиненія русской власти, то тѣмъ самымъ онъ приготовилъ бы себѣ въ будущемъ еще болѣе тяжелую участь. Изъ области, лежащей на востокъ отъ рѣки Кюммене, была образована русская провинція, лишенная всякихъ политическихъ правъ. Правда, въ ней былъ сохраненъ старый шведскій кодексъ, но одновременно съ нимъ должны были примѣняться и русскіе законы и распоряженія, которые издавались, конечно, въ видахъ дополненія этого кодекса, но въ дѣйствительности были совершенно несовмѣстимы съ нимъ. Администрація и весь укладъ общественной жизни получили формы, хотя и не чисто русскія, но тѣмъ не менѣе вовсе не соотвѣтствовавшія ни мѣстнымъ особенностямъ, ни характеру и нравамъ народа. Слѣдствіемъ этого явилась полнѣйшая неурядица. Какія именно правила слѣдовало примѣнять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и, въ особенности, въ какой мѣрѣ царскія жалованныя грамоты ограничивали права крестьянъ въ области землевладѣнія, а также въ сферѣ личной ихъ свободы—объ этомъ не существовало сколько нибудь яснаго понятія, и суды зачастую постановляли по этимъ вопросамъ самыя противорѣчивыя рѣшенія. Возможность притѣсненій и произвола открылась въ неограниченной степени и нашла себѣ осуществленіе на практикѣ въ неслыханныхъ въ Финляндіи размѣрахъ. Вслѣдствіе этого и самъ народъ привыкъ къ неуваженію закона. При сборѣ податей приходилось прибѣгать къ военной силѣ; когда должны были производиться рекрутскіе наборы, селенія пустѣли, и въ періодъ, обнимающій послѣдніе годы XVIII и первые годы XIX столѣтій, въ

русской Финляндіи произошло до тридцати болѣе или менѣе серьезныхъ бунтовъ крестьянъ. Экономическая жизнь, само собою разумѣется, находилась въ глубокомъ упадкѣ. Тѣ успѣхи, которые на первыхъ порахъ принесли съ собою миръ, мало по малу остановились и, въ концѣ концовъ, перешли въ полнѣйшій регрессъ. Эта именно причина и привела, главнымъ образомъ, правительство къ сознанию необходимости радикальныхъ перемѣнъ въ существующихъ порядкахъ. Когда Императоръ Александръ Первый 19 Мая 1802 года повелѣлъ образовать комисію для выработки предположеній о мѣрахъ къ улучшенію быта финляндской провинціи, начальныя слова изданнаго имъ по этому случаю указа гласили: «Съ самаго присоединенія Финляндіи къ Россіи, сколько ни употреблено было средствъ къ усовершенствованію въ ней хозяйственныхъ предметовъ, обиліе народное составляющихъ, но къ прискорбію нашему находимъ мы и нынѣ край сей въ бѣдственномъ положеніи, мало различествующемъ отъ того, въ каковомъ состоялъ онъ при его занятіи».

Легко понять, что подобное положеніе вещей не рассматривалось какъ желательное на западномъ берегу рѣки Кюммене. Напротивъ, оно возбуждало страхъ и постоянно поддерживало въ нашемъ народѣ унаслѣдованное еще отъ отцовъ убѣжденіе въ томъ, что Россія — смертельный врагъ, господство котораго, по крайней мѣрѣ для финновъ, равносильно безусловной гибели, духовному и матеріальному упадку. И такъ какъ идея объ особомъ финляндскомъ государствѣ для большинства этого народа была еще совершенно чуждой, то оно и не усматривало какой либо возможности дальнѣйшаго своего существованія и прогресса иначе, какъ при условіи сохраненія на будущее время того политическаго единенія со Швеціей, которое существовало уже въ продолженіе вѣковъ. Если даже это единеніе и имѣло свои темныя стороны, то его выгоды безспорно склоняли чашу вѣсовъ, и весьма замѣтнымъ образомъ, на свою сторону.

Заокеанскія владѣнія и колоніи—назовемъ, напр., Ирландію и земли, изъ которыхъ впоследствии образовались Соединенные

Штаты Сѣверной Америки—обыкновенно находятся въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ метрополи, свидѣтельствующемъ, что правительство признаетъ ихъ существованіе первымъ, если не исключительнымъ, условіемъ могущества метрополи и источникомъ ея процвѣтанія. Съ государственной мудростью, которая въ исторіи является почти безпримѣрной и которая только отчасти можетъ быть объяснена относительною слабостью Швеціи, шведы придерживались по отношенію къ Финляндіи совершенно иного образа дѣйствій. Разумѣется, финскій общественный строй долженъ былъ постепенно уступать свое мѣсто инымъ порядкамъ по мѣрѣ того, какъ поселившіяся въ Финляндіи племена, одно за другимъ, входили въ составъ шведскаго государства. Но такъ какъ законы и институты, явившіеся ему на смѣну, стояли на болѣе высокомъ уровнѣ прогрессивнаго развитія, ибо въ основѣ ихъ лежала народная свобода, то эта перемѣна и не казалась гнетущей. Признаваемые вполне полноправными членами шведскаго государства и шведскаго общества, участвуя, въ лицѣ своихъ представителей, въ выборѣ короля и въ работахъ риксдага, финны привыкли смотрѣть на шведскіе законы, какъ на свое драгоцѣннѣйшее, послѣ общей религіи, сокровище, и въ послѣдствіи, въ свою очередь, способствовали дальнѣйшему ихъ развитію, въ согласіи съ требованіями времени. Равнымъ образомъ, и пролитая бокъ-о-бокъ въ безчисленныхъ сраженіяхъ кровь связала населеніе Швеціи и Финляндіи взаимными узами, какихъ никогда не могла бы создать общность происхожденія. Въ Швеціи зачастую можно услышать поговорку, сохранившуюся отъ этихъ временъ: «*det är mitt sa' finn'om Stockholm*» (это мое — говорилъ финнъ о Стокгольмѣ). Приведенная поговорка, въ своей ни съ чѣмъ не сравнимой наивности, доказываетъ, насколько финскій народъ былъ привязанъ къ Швеціи, насколько онъ считалъ своимъ достояніемъ ея богатства, побѣды и успѣхи, а наряду съ ними—и ея страданія и бѣды.

Приближалось, однако, время, когда, подъ вліяніемъ хода событий, это сознаніе единства должно было исчезнуть. Никакое политическое равенство не было въ силахъ скрыть того факта, что въ составѣ шведскаго королевства Финляндія являлась только второ-

степенною частью, запросы которой должны были отступать предъ интересами главной составной части. Послѣднее обнаружилось какъ въ области внутренняго управленія (напр., по вопросу о торговомъ законодательствѣ), такъ и въ сферѣ политики внѣшней. Указанныя обстоятельства не имѣли, однако, сколько нибудь крупнаго политическаго значенія и не могли поселить болѣе замѣтной розни между обоими народами до тѣхъ поръ, пока существовала возможность общими силами оборонять границы государства, и пока, слѣдовательно, и сама Финляндія была сравнительно обезпечена отъ бѣдствій вражескаго завоеванія. Но когда обстоятельства измѣнились также и въ этомъ отношеніи, когда враги стали отрывать отъ нашей родины одинъ кусокъ за другимъ, и Финляндія, во всемъ ея объемѣ, попала въ положеніе передоваго укрѣпленія, уступка котораго рано или поздно сдѣлалась неизбежной, тогда, — сперва инстинктивно, а потомъ все болѣе и болѣе ясно, — начали понимать, что интересы и потребности Финляндіи и Швеціи совпадаютъ только отчасти, но ни въ какомъ случаѣ не безусловно. Мало по малу у насъ приучились обсуждать какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю политику Швеціи со своей особой, финляндской точки зрѣнія. Одновременно съ этимъ, въ народѣ съ большею живостью пробудилось сознаніе своей національной особенности. Въ теченіе многихъ столѣтій финскій языкъ являлся въ нашемъ отечествѣ преобладающимъ языкомъ аристократіи и чиновничества. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, помянутые круги, по многимъ причинамъ, въ значительной степени подпали подъ шведское вліяніе. Неудовольствіе этимъ крестьянъ выразилось на риксдагахъ «эпохи свободы», да и въ высшихъ классахъ нашлось не мало лицъ, съ сожалѣніемъ смотрѣвшихъ на приниженное положеніе родного языка. Такое настроеніе въ существенной мѣрѣ подкрѣплялось тѣми научными изслѣдованіями финскаго языка, финской поэзіи и исторіи, которыя въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія съ такимъ выдающимся успѣхомъ предпринялъ Портанъ. Такъ начало уже тогда проростать сѣмя, изъ котораго впоследствии развилось могучее національное движеніе XIX вѣка.

Невозможно, разумѣется, сказать, какъ именно видоизмѣни-

лось бы со временемъ положеніе Финляндіи въ составѣ Шведскаго королевства, если бы она сохранила свое единеніе съ нимъ. Однако, возможно предположить,—и исторія идеи націонализма какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ, даетъ для этого полное основаніе,—что сепаратистическія тенденціи финляндцевъ должны были бы впослѣдствіи окрѣпнуть и, въ концѣ концовъ, заставить Швецію согласиться на тотъ или иной полюбовный раздѣлъ, благодаря которому финляндцы получили бы право самостоятельно и независимо отъ Швеціи вѣдать свои внутреннія дѣла, свою администрацію, свои законодательства и судъ, согласно своимъ собственнымъ требованіямъ и условіямъ жизни. Швеція не была бы въ силахъ помѣшать подобной перемѣнѣ, и та самая политическая дальновидность, которая и ранѣе опредѣляла отношенія королевства къ Финляндіи, должна была бы одобрить такой порядокъ вещей.

84848
Однако, исторія сѣверныхъ странъ должна была пойти по иному пути. Александръ I завершилъ дѣло Петра Великаго и соединилъ Финляндію, во всей ея цѣлости, съ русской Имперіей. Такимъ образомъ, совершилось событіе, котораго съ увѣренностью ожидали многіе финляндцы, но желать котораго—а, тѣмъ болѣе, такъ или иначе содѣйствовать наступленію котораго,—мѣшала страхъ передъ русскою властью.

Россія, какъ того и требовали ея интересы, распространила свое владычество вплоть до береговъ Ботническаго залива. Для обезпеченія своего завоеванія, Александръ долженъ былъ выбрать одно изъ двухъ: онъ могъ или включить Финляндію въ составъ Имперіи въ качествѣ обыкновенной провинціи, подобно тому, какъ это и было сдѣлано ранѣе съ Выборгской губерніей, и затѣмъ уже попытаться преобразовать порядки во вновь завоеванныхъ областяхъ совершенно на русской образецъ; или же онъ могъ посмотреть на дѣло нѣсколько шире и попытаться привлечь къ себѣ сердца финскаго народа.

Обыкновенно завоеватели прибѣгаютъ къ первому приему. Исторія неоднократно доказывала, однако, къ какимъ затрудненіямъ и опасностямъ онъ въ концѣ концовъ приводитъ. Неисчислимыя бѣдствія, мятежи и кровопролитіе бывають его послѣдствіемъ, и,

несмотря на это, преслѣдуемая цѣль обыкновенно достигалась только въ томъ случаѣ, если побѣжденный народъ стоялъ на болѣе низкой ступени развитія, нежели народъ-побѣдитель. Что послѣднее условіе не имѣло мѣста въ отношеніи народа финляндскаго—это не подлежитъ спору. А въ какое бѣдственное положеніе должна была привести Финляндію русская администрація, пересаженная на чуждую ей почву этого края—примѣромъ тому служила Выборгская губернія. Можно ли было хоть сколько нибудь положиться на народъ, приведенный въ подобное состояніе? Александръ предвидѣлъ великую, рѣшительную борьбу съ Наполеономъ, причемъ задавалъ себѣ вопросъ: останется ли тогда Финляндія спокойной, или же, при вторженіи шведовъ въ край, населеніе его рѣшится на отчаянное возстаніе, въ то самое время, когда всѣ боевыя силы Россіи будутъ нужны для отраженія всемірнаго завоевателя? И если на этотъ разъ и посчастливится отклонить опасность, то не останется ли финляндская провинція на тѣлѣ Россіи открытою раной, воспользоваться которой къ своей выгодѣ могъ бы попытаться всякій врагъ?

Совершенно иной оборотъ приняло бы дѣло, если бы Императору удалось привлечь къ себѣ и своему Государству любовь и добровольную преданность финскаго народа. И неужели это не могло бы осуществиться въ дѣйствительности, если бы финляндцы прониклись сознаниемъ, что положеніе, въ которое они попали благодаря завоеванію, въ смыслѣ внѣшняго спокойствія и безопасности, было гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ прежде, и что это завоеваніе дало имъ ту внутреннюю самостоятельность, необходимость которой доказывалась всѣмъ ходомъ предшествовавшаго историческаго развитія съ древнѣйшихъ временъ, и которая теперь, когда Финляндія вошла въ составъ Государства, совершенно чуждаго ей по своему законодательству, обычаямъ и религіи — стала однимъ изъ органическихъ условій существованія народа.

Такой именно образъ дѣйствій и былъ выбранъ Александромъ. Въ секретномъ рескриптѣ отъ 14/26 Сентября 1810 года на имя Финляндскаго Генераль-Губернатора, онъ объявилъ, что его политика по отношенію къ Финляндіи преслѣдовала ту цѣль, «дабы въ области внутреннаго устройства Финляндіи обезпечить ее на-

селенію несравненно большія выгоды, нежели какими она пользовалась подъ господствомъ Швеціи» — и затѣмъ добавилъ: «При организаціи положенія Финляндіи, Моимъ намѣреніемъ было дать этому народу политическое бытіе, такъ, чтобы онъ не смотрѣлъ на себя какъ на завоеванный, но какъ на связанный съ Россіей своею же собственною очевидною выгодною; поэтому за нимъ сохранены не только его гражданскіе, но и политическіе законы».

Это сохраненіе нашихъ политическихъ и гражданскихъ законовъ состоялось именно 29 Марта 1809 года, когда Государь, въ Боргоскомъ соборѣ повелѣлъ прочесть и вручить сословіямъ Финляндіи подписанное имъ за два дня передъ тѣмъ удостовѣреніе, въ которомъ онъ обѣщалъ сохранить религію и основные законы края, равно какъ и всѣ сословныя привилегіи. И это удостовѣреніе Императоръ далъ не только за себя и не только на время своего царствованія. Онъ сдѣлалъ это, какъ представитель Государственной власти Россіи, на вѣчныя времена—совершенно такъ, какъ и земскіе чины Финляндіи принесенною ими присягою въ свою очередь возложили на всѣ грядущія поколѣнія нашего народа долгъ вѣрности и покорности русскимъ Монархамъ и русскому Государству. Въ Высочайшемъ объявленіи отъ $\frac{9}{21}$ Февраля 1816 года, Императоръ высказался въ этомъ смыслѣ съ достаточной ясностью: «Мы надѣемся, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ нашихъ».

Финляндія, такимъ образомъ, отдѣлилась отъ Швеціи, не утративъ своего прежняго, одинаковаго со шведскимъ, государственнаго устройства (Statsförfattning), и, слѣдовательно,—безъ подчиненія законамъ Россіи. Финляндія была, выражаясь словами Государя, «свободна въ своемъ внутреннемъ управленіи», «libre dans l'intérieur», ея народъ былъ возведенъ до положенія, занимаемаго другими націями. Признавая, что, для воспріятія полной жизненной силы, новый строй Финляндіи требовалъ возвращенія исконной національной территоріи во всея ея объемъ, и что, равнымъ образомъ, бѣдственное положеніе русской Финляндіи указывало на необходимость вновь поставить эту область подъ дѣйствіе финляндскихъ

законовъ и финляндской системы управленія, Государь, въ Декабрѣ 1811 года, присоединилъ названную провинцію къ Великому Княжеству Финляндскому, съ безусловнымъ распространеніемъ при томъ на обывателей Выборгской губерніи всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, утвержденныхъ Имъ на Боргоскомъ сеймѣ за финскимъ народомъ.

Такимъ образомъ, съ полнымъ основаніемъ можно утверждать, что Императоръ Александръ, опредѣляя взаимныя отношенія между Финляндіей и Россіей, даровалъ нашему народу самостоятельность и свободу, на которыя наши предки, по истинѣ, могли надѣяться развѣ только въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтахъ. Будущее должно было доказать, поступилъ ли онъ въ данномъ слѣчаѣ политически мудро.

Обращаясь къ разсмотрѣнію поставленнаго вопроса, прежде всего, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, мы должны выяснить себѣ, почему завоеваніе Финляндіи было для Россіи необходимою. Потому ли, что наши земли входили въ сферу естественныхъ границъ Имперіи, что онѣ составляли приморскую полосу, мѣшавшую той непосредственной связи Россіи съ моремъ, которая была необходима для ея дальнѣйшаго преуспѣянія? Таково именно было значеніе Остзейскихъ провинцій и сѣвернаго побережья Чернаго моря, въ виду чего уже само фактическое положеніе вещей требовало не только захвата, но и полнаго сліянія этихъ областей съ внутреннею территоріею Государства, т. е. включенія ихъ въ сферу русскаго управленія. Совершенно инымъ было географическое положеніе Финляндіи. Единственнымъ болѣе или менѣе значительнымъ воднымъ пространствомъ, отъ котораго Россія отдѣляется Финляндіей, является Ботническій заливъ; однако, не говоря уже о томъ, что заливъ этотъ легко доступенъ со стороны Балтійскаго моря и Финскаго залива, слѣдуетъ замѣтить, что Россія никогда не преслѣдовала въ названномъ бассейнѣ или по близости отъ него какихъ либо торговыхъ или иныхъ культурныхъ задачъ. Мирныя сношенія Россіи съ западной Европой никогда не происходили этимъ путемъ, а потому и присоединеніе Финляндіи къ Россійской Имперіи, а, тѣмъ болѣе, превращеніе ея въ русскую провинцію,

вовсе не было нужно съ точки зрѣнія помянутыхъ причинъ. Указанная необходимость не вытекала и изъ тѣхъ соображеній, которыми вызвано присоединеніе къ Имперіи восточной части Польши—столь желательное съ національной точки зрѣнія. Значительная часть жителей этой провинціи (а во многихъ мѣстностяхъ подавляющее большинство), по своему происхожденію, языку, религіи, образованію и вообще по всему міросозерцанію, столь близка русскому народу, что полное сліяніе мѣстнаго населенія съ русскимъ, а, слѣдовательно, и вытекающее отсюда приращеніе національныхъ силъ могло явиться естественнымъ и вполнѣ вѣроятнымъ послѣдствіемъ присоединенія. Во всѣхъ вышеуказанныхъ отношеніяхъ финскій народъ былъ настолько чуждъ народу русскому, что завоеваніе края не могло дать послѣднему какого либо притока новыхъ силъ. Безпристрастный историческій анализъ безспорно приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что единственно только забота о безопасности столицы Государства и объ обезпеченіи сѣверныхъ его границъ дѣлала завоеваніе Финляндіи важнымъ для Россіи. Насколько мнѣ извѣстно, въ русскихъ официальныхъ документахъ со временъ Петра Великаго и до того момента, когда его историческій завѣтъ былъ исполненъ Александромъ I, не встрѣчается и слѣда какихъ либо другихъ мотивовъ и взглядовъ по отношенію къ Финляндіи.

Все, чего русская политика хотѣла достигъ завоеваніемъ Финляндіи, было ею вполнѣ достигнуто. Послѣ 1809 г. Финляндія ни разу не причиняла Россіи какихъ либо затрудненій или опасностей, какъ это неоднократно случалось ранѣе; напротивъ—она являлась надежнымъ оплотомъ для столицы Имперіи, равно какъ и для всей сѣверной Россіи вообще. Когда въ 1812 г. Наполеонъ готовился нанести смертельный ударъ величію Россіи, финскій народъ ни на мгновеніе не поколебался въ преданности своему благородному покровителю. Часть финской молодежи несла сторожевую службу на улицахъ Петербурга. Увѣренность въ томъ, что финляндцы вполнѣ примирились со своимъ новымъ политическимъ положеніемъ и готовы нести всѣ вытекающія изъ него обязанности, и въ другихъ отношеніяхъ принесла замѣтную

пользу Россіи въ это опасное для нея время. Такъ, указанное обстоятельство оказало свою долю вліянія на новаго руководителя шведской политики, кронпринца Карла Юганна, побудивъ его пойти наперекоръ стремленіямъ шведскаго народа къ возвращенію Финляндіи и, взамѣнъ того, заключить союзъ съ Россіей. Когда затѣмъ, въ 1831 г., въ Польшѣ вспыхнулъ мятежъ, въ Финляндіи царило полнѣйшее спокойствіе, и то же самое повторилось потомъ во время большихъ волненій 1848 г. Въ войну съ западно-европейскими державами 1854—1856 гг., когда англичане разгромили финляндскій торговый флотъ и бѣдствія войны распространились, наконецъ, на собственные берега Финляндіи, народъ нашъ безропотно перенесъ всѣ эти невзгоды, и гдѣ непріятель — какъ то было, напр., въ Эстерботніи—дѣлалъ попытку высадиться на берегъ, тамъ, за недостаткомъ вооруженныхъ силъ, сопротивленіе ему оказывало мирное населеніе края. Поведеніе финляндцевъ въ теченіе этой войны было таково, что Императоръ Александръ II въ засѣданіи Сената 23 Марта 1856 г. отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ: «Отъ всего сердца благодарю васъ и всѣхъ Моихъ вѣрныхъ финскихъ подданныхъ за ваше ревностное содѣйствіе мѣропріятіямъ по оборонѣ края».

Съ неменьшею твердостью финскій народъ исполнилъ свой долгъ въ 1863 г., въ эпоху втораго польскаго возстанія, причинившаго русскому правительству весьма серьезныя затрудненія. Когда же въ 1877 г. Россія предприняла свою благородную борьбу за освобожденіе славянскихъ братьевъ отъ турецкаго ига, небольшое финское войско—все, какое было тогда въ наличности—съ честью приняло участіе въ войнѣ, и финскій народъ съ теплымъ сочувствіемъ слѣдилъ за дѣйствіями войскъ Имперіи. Извѣстіе о паденіи Плевны вызвало во всѣхъ слояхъ населенія неподдѣльную радость, а когда затѣмъ Берлинскій конгрессъ значительно пообрубалъ результаты побѣдъ, то вѣсть объ этомъ была встрѣчена во всей странѣ и почувствовалась всѣми какъ тяжкая, съ трудомъ переносимая неудача. Напрасно за границей раздавались насмѣшливые голоса, что финляндцы, радуясь возвеличенію Россіи и скорбя за ея неудачи, въ сущности привѣтствуютъ то, что грозитъ опас-

ностью собственному ихъ политическому существованію, и оплакиваютъ то, что уменьшаетъ эту опасность. Подобное возрѣніе не нашло себѣ здѣсь никакой почвы и впослѣдствіи никогда не могло привиться въ Финляндіи....

Девяносто лѣтъ, протекшія со времени присоединенія нашего края къ русскому государству, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ, что благодаря ему Россія достигла всего, чего въ 1809 г. ея Монархъ ожидалъ отъ этого присоединенія и чего онъ, оставаясь въ предѣлахъ благоразумія, могъ отъ него ожидать.

Можно ли сказать то же самое о Финляндіи? Доказало ли ея политическое соединеніе съ Имперіей, что оно благотворно для нашего отечества? То, что замѣчено нами выше о расположеніи финскаго народа къ русскому государству—можетъ служить косвеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Однако, рассмотримъ дѣло поближе.

Соединенный съ державою, въ теченіе вѣковъ являвшеюся единственнымъ, но непримиримымъ врагомъ Финляндіи, неоднократно опустошавшимъ нашъ край огнемъ и мечомъ, финскій народъ, послѣ 1809 г., пользовался почти ненарушимымъ миромъ. Благодаря этому, мы имѣли возможность отдать свои силы на развитіе нашей матеріальной и духовной культуры. И такъ какъ эта работа совершалась подъ защитою собственныхъ законовъ края, согласовавшихся съ духомъ нашего народа, то она и не осталась безплодной. Приростъ народонаселенія и развитіе нашихъ экономическихъ силъ не были, конечно, столь блестящи, какъ иногда утверждаютъ, не сопоставляя ихъ въ то же время съ прогрессомъ другихъ странъ, какъ напр., хотя бы изстари намъ родственной Швеціи. Но во всякомъ случаѣ достигнутые нами успѣхи превзошли все, на что въ первыя десятилѣтія XIX вѣка могли надѣяться наиболее смѣлыя головы, причемъ этотъ прогрессъ являлся почти во всѣхъ отношеніяхъ здоровымъ, такъ какъ онъ основывался на разносторонней утилизаціи природныхъ силъ страны, а также на неустанной борьбѣ съ тѣми невыгодными условіями, которыя воздвигалъ на его пути суровый климатъ и скудная почва. Ужасающій по своимъ бѣдствіямъ голодный періодъ шестидесятихъ годовъ

только на время могъ пріостановить этотъ постепенный ростъ населенія и матеріальныхъ силъ: напротивъ, за послѣднія десятилѣтія ростъ этотъ пошелъ впередъ гораздо скорѣе, чѣмъ прежде. Указанное явленіе обуславливалось живымъ стремленіемъ къ дѣятельности, вызваннымъ все болѣе укрѣплявшеюся увѣренностью въ нашемъ политическомъ будущемъ. Эта увѣренность въ будущемъ была тѣмъ молодымъ побѣгомъ, укрѣпленію и росту котораго Александръ I стремился помочь словомъ и дѣломъ. Въ царствованіе его брата, Императора Николая I, молодое растеніе начало увядать, такъ какъ Государь (конечно, въ настоящемъ случаѣ онъ только пользовался правомъ, предоставленнымъ ему конституціею [regeringsform] Финляндіи) не прибѣгалъ къ созыву земскихъ чиновъ, слѣдствіемъ чего явилась пріостановка законодательной дѣятельности и сохраненіе всѣми признанныхъ, глубокихъ неустройствъ. Но когда Царь Освободитель, вновь призвавъ народное представительство къ совмѣстной работѣ, твердо установилъ Сеймовымъ Уставомъ періодичность сеймовъ, когда онъ далъ нашей родинѣ безчисленные доказательства своего благоволенія и своихъ милостивыхъ о ней заботъ, и еще въ послѣдній, уже болѣе темный, періодъ своего царствованія утвердилъ Уставъ о воинской повинности, пріуроченный къ условіямъ быта нашего народа—тогда должны были исчезнуть всякія сомнѣнія. Съ горячностью, подобной той, которая проявлялась и въ Россіи въ знаменательную для нея эпоху великихъ реформъ, у насъ принялись за преобразовательную работу во всѣхъ областяхъ, наиболѣе яркими результатами каковой—въ экономической области—являются слѣдующія усовершенствованія: доведеніе желѣзнодорожной сѣти до самыхъ сѣверныхъ частей нашей страны, постройка фабрикъ на нашихъ водопадахъ, организація зимняго вывоза нашихъ лѣсохозяйственныхъ и молочнохозяйственныхъ продуктовъ и т. п.

Матеріальный достатокъ представляется, однако, только условіемъ и базисомъ для самостоятельной духовной работы, подобно тому какъ крѣпкій каменный грунтъ служитъ основой для крѣпостныхъ башенъ и стѣнъ. Небольшіе народы и въ сферѣ духовной продуктивности не могутъ, конечно, не усту-

пять первенства крупнымъ культурнымъ націямъ. Но всѣ они должны внести свою особенную, изъ глубины духовной жизни народа вытекающую, лепту въ общую сокровищницу чело-вѣческаго духа. Ибо, въ противномъ случаѣ, ихъ обособленное существованіе окажется бесполезнымъ для чело-вѣчества, и, быть можетъ, они должны будутъ слиться съ другими, большими націями, лучше воспользовавшимися заложеннымъ въ нихъ стремленіемъ къ свѣту. Къ счастью для финскаго народа, послѣднее замѣчаніе къ нему не относится. Финскій народъ считаетъ прогрессъ своей духовной жизни въ теченіе XIX вѣка гораздо болѣе вѣрнымъ, чѣмъ достигнутое имъ матеріальное положеніе, доказательствомъ той истины, что дарованная ему Александромъ I самостоятельность въ области внутренняго управленія отнюдь не прошла безслѣдно для общихъ интересовъ чело-вѣчества.

Выше мы уже имѣли случай упомянуть о постепенномъ подчиненіи финляндскаго чиновничества вліянію шведской культуры и о томъ финноманскомъ движеніи, которое—не взирая на указанное вліяніе и отчасти въ видѣ противовѣса ему—стало проявляться въ нашемъ отечествѣ въ послѣдній періодъ шведскаго владычества. Съ уничтоженіемъ политической связи со Швеціей-исчезло и крупнѣйшее препятствіе для дальнѣйшаго развитія помянутаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, было бы совершенно неестественно, если бы и при новыхъ обстоятельствахъ шведскій языкъ сохранилъ въ Финляндіи свое прежнее значеніе въ области судопроизводства, администраціи и преподаванія. Съ другой стороны, та внутренняя самостоятельность, которая такъ категорически была признана за нашимъ краемъ, казалось, обусловливала собою полную невозможность замѣны шведскаго языка чуждымъ нашему народу языкомъ русскимъ. На мѣсто перваго долженъ былъ быть поставленъ природный языкъ края. И едва прошло одно десятилѣтіе со времени Боргоскаго сейма, какъ благороднѣйшіе изъ среды возмужавшаго юношества Финляндіи поняли это и съ энтузіазмомъ начали требовать такой замѣны. Они знали, что въ данномъ случаѣ они боролись за великую идею, о которую разбилося міровое могущество Наполеона, и которая явилась бы источникомъ прекраснѣйшихъ

побѣдъ XIX вѣка, если бы, наряду съ этимъ, возбуждаемая ею страсти и гоненія не были однимъ изъ худшихъ ея бичей. Они понимали, что только сообщеніе родному языку значенія орудія для пріобрѣтенія высшаго образованія можетъ создать истинно-національный духъ и тѣмъ неразрывно связать между собою разъединенныя группы населенія. Но если гдѣ либо, то, кажется, именно у насъ подобная реформа въ области языка должна была встрѣтить на своемъ пути непреодолимые затрудненія. До этого времени финскій языкъ получилъ нѣкоторое развитіе только въ сферѣ религіозной. Въ прочихъ отрасляхъ литературы, какъ національной, такъ и спеціально-научной, приходилось начинать *ab ovo*. Однако, въ средѣ высшихъ классовъ, воспитывавшихся на шведскомъ языкѣ, можно было найти только немногихъ, кто зналъ бы языкъ своихъ предковъ и своего народа настолько, чтобы быть въ состояніи содѣйствовать его литературной обработкѣ. Реформа никоимъ образомъ не могла быть произведена непосредственно: требовалась продолжительная и упорная подготовительная работа. За нее поэтому и взялись. Создали необходимые учебники и словари; значительная часть великихъ произведеній человѣческаго ума появилась въ переводѣ на финскій языкъ. Дѣтямъ бѣднѣйшихъ родителей также обеспечили возможность пріобрѣтать познанія на ихъ прежде презираемомъ родномъ языкѣ. Большинство нашей университетской молодежи въ настоящее время состоитъ—и уже нѣсколько лѣтъ состояло—изъ людей, прошедшихъ финскія учебныя заведенія. Такимъ образомъ создаются условія, внѣ которыхъ не можетъ возникнуть истинно-національной литературы, отражающей духовную жизнь цѣлаго народа и, въ свою очередь, въ сильнѣйшей степени вліяющей на нее. Эта литература на финскомъ языкѣ еще не богата; но ея успѣхи изъ года въ годъ пробуждаютъ все большія надежды, а, по сравненію съ другими языками, точно также находящимися еще въ начальной стадіи своего развитія, она отнюдь не можетъ быть отнесена къ числу бѣднѣйшихъ ни по количеству работъ, ни по ихъ цѣнности и значенію.

Наиболѣе цѣннымъ изъ всего, что до настоящаго времени дала новѣйшая литература на финскомъ языкѣ, является, однако

унаслѣдованное отъ предковъ сокровище, долго скрывавшееся во мракѣ неизвѣстности, пока оно, наконецъ, какъ результатъ долгихъ и упорныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ Эліасомъ Леннротомъ подѣ влияніемъ охватившаго его національнаго энтузіазма, не было послѣднимъ извлечено на свѣтъ Божій и издано въ видѣ цѣльнаго творенія, приведшаго въ восхищеніе какъ родной народъ, такъ и весь культурный міръ. Въ «Калевалѣ» финскій народъ обрѣлъ такой же краугольный камень своей будущей литературы, какимъ Иліада и Одиссея были для греческой, и сдѣлалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свой особый, самобытный вкладъ во всемірную литературу.

Не столь отрадна картина постепеннаго пріобрѣтенія финскимъ языкомъ значенія судебнаго и чиновничьяго. Въ этой области пришлось преодолѣвать глубоко укоренившіеся предрассудки и могущественные классовые интересы. Однако, и здѣсь главное уже сдѣлано. Въ Финляндіи никогда не должны забывать, что тотъ самый великодушный Монархъ, чье властное слово возвратило свободу крѣпостному сословію Россіи, приложилъ свою руку къ разрѣшенію вопроса о языкахъ, столь близко касавшагося его говорившихъ по фински подданныхъ. Законъ 1863 г., прозванный Великою Хартіею финскаго языка, еще не нашелъ себѣ полного осуществленія въ жизни, но тѣмъ не менѣе лица, говорящія по фински, только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ судятся на чуждомъ имъ языкѣ.

Въ нашемъ отечествѣ имѣютъ право на существованіе два языка. Приблизительно восьмая доля его населенія говоритъ по шведски, но въ дѣлѣ нашего духовнаго развитія значеніе этого языка является гораздо болѣе крупнымъ, чѣмъ то доказываетъ приведенная нами цифра. Въ теченіе минувшаго вѣка влияніе нашихъ писавшихъ по шведски поэтовъ было неизмѣримо велико. Наравнѣ съ «Калевалой», ихъ творенія образовали собою лучшую часть нашей литературы и, выросши на финляндской почвѣ и проникнутые финскимъ духомъ, быстро сдѣлались достояніемъ всего народа. Величайшіе изъ этихъ художниковъ слова, Рунебергъ и Топеліусъ, были сынами переходнаго времени: языкъ у нихъ шведскій, но мысли, душа и сердце—всецѣло финскія.

Изящныя искусства еще въ большей степени, нежели литера-

тура, требуютъ для своего процвѣтанія благоприятныхъ условій. Въ нашей холодной, бѣдной странѣ они впервые начали пускать глубокіе корни только въ эпоху послѣдняго поколѣнія, получивъ характеръ, соотвѣтствующій природѣ Финляндіи и нравамъ ея обитателей. Что наше искусство, за указанный краткій срокъ своего существованія, все же успѣло дать мастерскія произведенія, выдерживающія самую строгую критику, доказывается уже тѣмъ признаніемъ, какимъ оно пользуется въ центрахъ культурной Европы.

Бросая, на порогъ новаго вѣка, ретроспективный взглядъ на судьбы нашей родины въ періодъ, протекшій со времени присоединенія ея къ Россіи, мы, финны, должны съ благодарностью признать, что то было—какъ мы доказали выше—время духовнаго и матеріальнаго ея прогресса. Правда не будетъ, однако, полной, если мы не добавимъ къ сказанному нѣсколькихъ замѣчаній.

Принципы, лежащіе въ основѣ нашихъ законовъ, совершенно несходны съ тѣми, которыми опредѣляется укладъ государственной жизни Имперіи. Мы знаемъ, что Императоръ Александръ I назвалъ нашъ край «libre dans l'intérieur», свободнымъ въ своемъ внутреннемъ управленіи. Толкуемая по ихъ точному смыслу, эти слова означаютъ, что внутреннее управленіе Финляндіи должно быть въ точности согласуемо съ собственными потребностями и интересами края. Но этого не было, да и не могло быть, постоянно. Существующія въ Россіи условія иногда — напр., въ вопросѣ о свободѣ печати—заставляли Монарха отказывать въ удовлетвореніи наиболѣе горячихъ и единодушныхъ желаній финскаго народа. Это, конечно, было тяжело, но принималось какъ слѣдствіе нашего политическаго положенія, которое мы должны сносить безъ ропота.

Еще одно замѣчаніе. Глава Государства не живетъ среди насъ и не владѣетъ нашимъ языкомъ. Онъ не можетъ, такимъ образомъ, лично вникнуть въ нашу жизнь, усвоить нашъ образъ мысленія. Точно также высшее должностное лицо, ближайшимъ образомъ являющееся представителемъ Государя въ нашемъ отечествѣ, при назначеніи своемъ на должность обыкновенно оказывалось совершенно незнакомымъ съ нашими законами и условіями

быта. Поэтому не удивительно, если разрѣшеніе цѣлаго ряда административныхъ дѣлъ—мы вовсе не говоримъ здѣсь о событіяхъ послѣдняго времени—казалось нашему народу, въ полномъ смыслѣ этого слова, страннымъ.

Указанныя темныя стороны не имѣютъ однако, по сравненію съ существомъ дѣла, большого значенія. Форма, которую Александръ I придалъ политическому соединенію обѣихъ странъ, принесла Россіи великую, неоспоримую пользу. Для Финляндіи же она оказалась истиннымъ благодѣяніемъ. Въ данномъ случаѣ яснѣе чѣмъ когда либо въ богатой превратностями исторіи народовъ, само дѣло восхваляетъ своего творца.

IV.

Прошедшее даетъ намъ право относиться съ довѣріемъ къ будущему. Нашъ народъ проявилъ уже свойства, которыя могутъ служить ручательствомъ въ томъ, что финская національность въ нашей странѣ успѣшно вынесетъ самыя тяжелыя испытанія. вмѣстѣ съ тѣмъ наше прошлое даетъ намъ право уповать, что всетаки нашъ народъ не подвергнется особенно тяжкимъ испытаніямъ. Событія почти цѣлаго столѣтія уже въ достаточной степени доказали, что интересы Россіи и Финляндіи, по существу, совпадаютъ. Будучи въ этомъ глубоко убѣждены, мы не перестаемъ вѣрить, что этотъ же взглядъ найдетъ откликъ и въ соотвѣтствующихъ сферахъ Имперіи и, мало-по-малу, изгладитъ рѣзкое различіе во взглядахъ. Допустимъ, что начавшаяся новая эра требуетъ даже большихъ уступокъ и жертвъ съ нашей стороны. Тѣмъ не менѣе, мы не покидаемъ той надежды, что зданіе, возведенное въ нашемъ краѣ въ теченіе XIX вѣка по почину дальновидныхъ и великодушныхъ правителей, въ главныхъ чертахъ, останется неизмѣненнымъ. Но разъ мы на это уповаемъ, то мы обязаны съ этимъ и сообразовывать наше поведеніе.

Дѣйствительный конфликтъ, глубокое различіе во взглядахъ правительства и управляемаго народа во всякомъ государствѣ должны считаться явленіемъ печальнымъ. Умѣніе найти выходъ изъ такого положенія служить лучшимъ критеріемъ при оцѣнкѣ ума, опытности и міровоззрѣнія какъ людей, стоящихъ у власти, такъ и всего народа. Дѣятельность той и другой стороны въ этихъ случаяхъ зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ и потому совершенно различна въ разныхъ странахъ. Въ романскихъ странахъ одинъ способъ дѣйствія, въ Англіи другой, равно какъ несходенъ онъ въ Норвегіи, съ одной стороны, и Пруссіи, съ другой.

При этомъ надо замѣтить, что въ нашей странѣ болѣе или менѣе рѣзкое, долго продолжающееся несходство во взглядахъ Государя и народа, быть можетъ, даже опаснѣе, чѣмъ гдѣ либо, ибо изъ вопроса внутренняго, ограниченнаго предѣлами государственнаго права Финляндіи, этотъ вопросъ легко можетъ сдѣлаться международнымъ, при чемъ постановленія нашихъ законовъ не будутъ уже приниматься во вниманіе. Найти при такихъ условіяхъ правильный путь у насъ крайне важно, и каждый ошибочный шагъ можетъ повлечь за собой неисчислимыя несчастія.

Если я не ошибаюсь, то при теперешнихъ тяжелыхъ условіяхъ необходимо твердо держаться двухъ основныхъ требованій. Первое заключается въ томъ, чтобы народъ Финляндіи сдержанно, но безъ колебанія и твердо отстаивалъ свое правопониманіе. Этого требуютъ честь и достоинство нынѣ живущаго поколѣнія, и это необходимо для сохраненія драгоцѣннѣйшихъ нашихъ правъ потомкамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ этому побуждаетъ насъ нашъ долгъ по отношенію къ Государю, который имѣетъ полное право ждать отъ своихъ подданныхъ нелицемѣрной искренности. Второе требованіе заключается въ томъ, что мы должны стараться избѣгать всего того, что безнадежно и навсегда могло бы порвать связь, доселѣ существовавшую у насъ между Государемъ и народомъ. Мы обязаны, насколько это возможно, воздерживаться отъ дѣйствій, которыя могли бы дать поводъ утверждать, что интересы Россіи и достоинство Государя требуютъ полной отмѣны

особаго положенія, дарованнаго нашей странѣ. Къ этому побуждаетъ насъ уже тотъ неоспоримый фактъ, что никто, оставаясь на почвѣ дѣйствительности, не можетъ представить себѣ политическое будущее нашего незначительнаго народа иначе, какъ въ неразрывномъ соединеніи съ великою россійскою державою.

Съ этими двумя основными требованіями долженъ у насъ сообразоваться въ своей дѣятельности каждый, какое бы высокое или низкое положеніе въ обществѣ онъ ни занималъ. Но характеръ дѣйствія въ различныхъ случаяхъ неодинаковъ. Отстаиваніе нашего правопониманія съ такою силой, чтобы въ этомъ отношеніи не могло оставаться никакого сомнѣнія, есть задача прежде всего народнаго представительства, затѣмъ печати и, наконецъ, общества въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Должностныя лица также, конечно, не могутъ отказываться отъ этой обязанности, но главная ихъ задача, по моему мнѣнію всетаки другая. Ограничивать совершившуюся бѣду возможно меньшими предѣлами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараться сохранить, если можно такъ выразиться, тотъ мостъ, на которомъ Государь и народъ снова могли бы сойтись для дальнѣйшей совмѣстной работы на почвѣ законности,—вотъ въ періодъ политическихъ недоразумѣній важнѣйшая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ достойнѣйшая и наиболѣе плодотворная задача мѣстныхъ правящихъ классовъ.

Безспорно, однако, что значительнѣйшая часть нашего общества въ теченіе послѣднихъ лѣтъ совсѣмъ иначе представляла себѣ требованія, вытекающія изъ положенія вещей. Высказывалось мнѣніе, что Сенатъ долженъ принять участіе въ такъ называемомъ пассивномъ сопротивленіи, даже болѣе, что онъ долженъ стать во главѣ его, въ качествѣ руководителя. Такимъ образомъ отъ Сената требовалось болѣе, нежели искреннее отстаиваніе своего собственнаго и народнаго правопониманія; отъ органа внутренняго управленія Финляндіи требовали, чтобы онъ отказывался содѣйствовать какимъ бы то ни было способомъ изданію и приведенію въ дѣйствіе Высочайшихъ постановленій, не согласующихся съ законами нашей страны. При предъявленіи подобныхъ

требованій большинство, не справляясь съ дѣйствительностью, полагало, что основные законы Финляндіи возлагаютъ на Сенатъ и прочія власти такую обязанность, и что, слѣдовательно, вышеуказанное содѣйствіе ихъ должно было бы почитаться равносильнымъ нарушенію основныхъ законовъ. Однако, это предположеніе ни на чемъ не основано.

Въ большей части конституціонныхъ государствъ министры обязываются взвѣсить, согласуется ли съ дѣйствующими въ странѣ законами предначертанное главою государства постановленіе, скрѣпляемое подписью министра. Въ этомъ случаѣ скрѣпа министра означаетъ, что онъ беретъ на себя отвѣтственность за законность повелѣнія или учрежденія; если же министръ не можетъ взять на себя подобную отвѣтственность, то онъ, согласно конституціи, обязывается не подписывать соотвѣтствующаго постановленія. Но основные законы Финляндіи не обязываютъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которыми глава государства пользуется при изданіи своихъ постановленій взвѣшивать ихъ законосообразность. По той же причинѣ ничего не говорится въ этихъ законахъ о правѣ должностныхъ лицъ отказывать въ своей подписи подъ повелѣніями Государя. Такимъ образомъ подпись должностнаго лица, хотя бы и самаго высокопоставленнаго, подъ Всемиловичіимъ рескриптомъ или постановленіемъ вовсе не означаетъ, что лицо, подписавшее актъ, отвѣчаетъ за его законность; подпись въ этомъ случаѣ лишь удостовѣряетъ, что соотвѣтствующее правительственное распоряженіе въ точности согласуется съ волею Монарха. Форма правленія въ § 21, сохраняющемъ и до настоящаго времени силу по существу, если не въ деталяхъ, возлагаетъ на Статсъ-Секретаря обязанность блюсти за тѣмъ, чтобы дѣйствія и повелѣнія, исходящія изъ канцеляріи Монарха, согласовались съ рѣшеніемъ Государя. Этотъ же параграфъ грозитъ судомъ и законною карою Статсъ-Секретарю, дерзнувшему издать повелѣніе, не согласованное съ волею главы государства; но нигдѣ ни единымъ словомъ не говорится, чтобы такое же наказаніе ожидало Статсъ-Секретаря, скрѣпившаго своею подписью законопротивное повелѣніе. Сюда же относится постановленіе, содержащееся въ § 32 той же формы правленія, что коллегіи королевства отвѣт-

ственны лишь передъ королемъ за закономѣрное отправленіе своихъ обязанностей. Между тѣмъ, обязанности бывшихъ коллегій, какъ извѣстно, въ существенныхъ частяхъ, перенесены на Сенатъ, такъ что указанное постановленіе въ настоящее время должно быть примѣнено, въ дѣлахъ нашей государственной жизни, къ отношеніямъ между Государемъ Императоромъ и Сенатомъ.

Согласно формѣ правленія 1772 года—сравни § 13—всѣ должностныя лица являются лишь помощниками Государя. Ни въ этомъ, ни въ какомъ либо иномъ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ не содержится постановленія, которое давало бы право этимъ помощникамъ Верховной Власти отказываться отъ содѣйствія при приведеніи въ исполненіе ея повелѣній.

Я желалъ бы, чтобы мои слова не были неправильно истолкованы. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что основные законы Финляндіи въ общемъ и въ частностяхъ покоятся на предположеніи, что Монархомъ и, прежде всего, именно Имъ, они признаются и соблюдаются. На тотъ случай, если-бы это предположеніе оказалось ошибочнымъ, въ нашихъ законахъ нѣтъ никакихъ опредѣленій. Жизнь, конечно, пойдетъ своимъ порядкомъ, и должностныя лица, при такихъ условіяхъ, либо подчиняются, либо уходятъ съ общественной арены и возвращаются къ частной жизни. Что именно чиновникъ въ томъ или другомъ случаѣ долженъ дѣлать, какъ именно поступать,—это не можетъ быть опредѣлено въ писанномъ законѣ; образъ дѣйствія его опредѣляется тутъ въ зависимости отъ собственнаго его представленія о благѣ и преуспѣяніи родины.

На этомъ мы кончаемъ свои размышленія, такъ какъ по многимъ причинамъ въ этой брошюрѣ было-бы невозможно коснуться вопроса о томъ, насколько въ тѣхъ или другихъ случаяхъ органы нашего внутренняго управленія, наше чиновничество и наши граждане исполнили все то, къ чему ихъ должно было побуждать чувство собственнаго достоинства, любовь къ отечеству и политическая дальновидность. Обстоятельства, въ которыхъ мы очутились, были настолько новы и настолько тяжки, что и крупные промахи были вполне понятны. Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь утвер-

ждать, что политическое поведеніе финскаго народа даже въ эти позднѣйшія времена, по существу, должно считаться достойнымъ и разумнымъ. Народъ нашъ не скрывалъ своихъ чувствъ, но даже въ минуту тягчайшаго страданія онъ твердо держался въ предѣлахъ лойальности. Органы нашего внутренняго управленія, съ своей стороны, старались разъяснить сущность нашихъ торжественно утвержденныхъ законовъ и подкрѣпить рѣшенія народныхъ представителей, стремясь, однако, предупредить образование слишкомъ глубокой пропасти. То духовное единеніе, на которое указываетъ наше прошлое и котораго требуетъ наше грядущее, по крайней мѣрѣ для насъ, финновъ, всегда служило цѣлью.

Еще одно обстоятельство хочется мнѣ напомнить всѣмъ тѣмъ, кто считаетъ мою точку зрѣнія слишкомъ оптимистической. Никакое чиновничество въ мірѣ не можетъ неопредѣленное время оказывать такъ называемое пассивное сопротивленіе. Виновные въ этомъ чиновники неизбѣжно будутъ устранены и мѣста ихъ займутъ элементы неудовлетворительные а, быть можетъ, къ тому еще и чуждые странѣ. Все, слѣдовательно, зависитъ отъ выносливости самого народа и, главнымъ образомъ, его глубокихъ слоевъ.

V.

Но вернемся къ брошюрѣ Немо.

Онъ подчеркиваетъ то требованіе, что и слабый не долженъ допускать принужденія себя къ такому дѣйствию, которое противорѣчитъ его правопониманію. «Однако, — добавляетъ авторъ, — то примѣненіе, которое дано было этому принципу, совершенно сбило насъ съ пути». Усилія, направленныя къ достиженію желаемой цѣли, получили скорѣе характеръ борьбы противъ неугодныхъ мнѣній и лицъ, нежели положительной работы въ извѣстномъ намѣченномъ направленіи. Между тѣмъ, такой образъ дѣйствій не подвинетъ насъ впередъ нисколько, а только, не считая другихъ вредныхъ послѣдствій, поглотитъ значительную массу рабочей силы, которая съ пользою могла бы найти себѣ примѣненіе на

другихъ поприщахъ. «Ибо,—говоритъ далѣе авторъ брошюры,— по существу совершенно невѣрно, будто пассивное сопротивленіе есть именно то, чего мы главнымъ образомъ въ настоящее время должны придерживаться. Никакое общество не можетъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени жить одною пассивною дѣятельностью, и менѣе всего это можетъ дѣлать народъ въ нашемъ положеніи. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо отъ насъ требуется положительная работа, направленная во внутрь, на насъ самихъ. Главною же цѣлью такой работы, въ чемъ нельзя допускать никакихъ сомнѣній и колебаній, должно быть—достиженіе полной солидарности между всѣми классами нашего народа». «Но,—продолжаетъ Nemo,—истинный духъ общественности и единенія достигимъ лишь тамъ, гдѣ всѣ слои общества находятъ, что существующія соціальныя отношенія и намѣченное ихъ развитіе согласуется съ интересами и выгодами всѣхъ». Чувство общественности не можетъ развиваться тамъ, гдѣ нѣтъ гармоніи общественныхъ интересовъ. Тутъ одно народное просвѣщеніе не поможетъ. Необходимо, чтобы одновременно съ дѣятельностью въ этомъ направленіи совершалось болѣе гармоничное развитіе общественныхъ отношеній и въ другихъ сферахъ, дабы постепенно устранялись недостатки существующаго общественнаго строя и болѣе принимались во вниманіе интересы меньшей братіи. Пусть же широкіе слои народа, пробужденные къ жизни просвѣщеніемъ, увидятъ такое развитіе нашихъ внутреннихъ отношеній, которое соотвѣтствуетъ ихъ правопониманію, и, главное, приметъ во вниманіе интересы, близкіе ихъ сердцу. Но, прежде всего, пусть же имъ будетъ дана возможность самимъ принимать участіе въ общей работѣ!

Выставивъ такое требованіе энергичной работы для улучшенія соціальныхъ отношеній, авторъ брошюры затѣмъ вступаетъ въ борьбу съ тѣмъ взглядомъ, будто прогрессъ достигается вѣрнѣе всего подъ условіемъ предоставленія каждой отдѣльной личности или классу возможности стремиться къ достиженію своихъ лишь интересовъ. Сторонники этого взгляда доказываютъ, что общество тѣмъ быстрѣ прогрессируетъ, чѣмъ быстрѣ и легче развивается отдѣльная личность. Но такое мнѣніе, — говоритъ Nemo,—

совершенно невѣрно, касается ли оно отдѣльной личности или общественнаго класса. Это—ученіе низкопробнаго эгоизма, хотя и облеченное въ красивую оболочку. Тамъ, гдѣ отдѣльная личность будетъ стремиться къ осуществленію только своихъ интересовъ, тамъ рано или поздно произойдетъ столкновеніе ихъ и разладъ неизбеженъ». И затѣмъ Нето подробно доказываетъ справедливость своего сужденія. Многіе изъ его читателей, быть можетъ, найдутъ это излишнимъ, ибо доказывать все это въ Финляндіи, послѣ трудовъ Снелмана, едва ли необходимо. Однако, такой взглядъ совершенно ошибоченъ. Теорія индивидуализма, противъ которой ополчился Нето, недостаточно принимающая во вниманіе общественную точку зрѣнія и требованія общаго блага, въ свое время успѣла всюду въ Европѣ пустить глубокіе корни въ умахъ людей и цѣлыхъ классовъ общества, да и въ настоящее время еще имѣетъ у насъ достаточное число адептовъ. Въ господствѣ индивидуалистической теоріи слѣдуетъ искать причину того упорства, съ которымъ значительная часть нашихъ правящихъ классовъ постоянно противодѣйствуетъ введенію каждой серьезной соціальной реформы, вызываемой потребностями времени. И немного сравнительно такихъ, которые имѣютъ мужество признаться передъ самими собой, что въ концѣ концовъ ихъ оппозиція вызвана простымъ эгоизмомъ и себялюбіемъ. Намъ, вѣдь, хорошо при существующихъ условіяхъ,—разсуждаютъ избранники—такъ почему же можетъ быть тяжело другимъ? Если факты слишкомъ краснорѣчиво освѣщаютъ истинное положеніе вещей, то нетрудно успокоить себя сознаниемъ, что классъ общества, къ которому эти избранники принадлежатъ, всетаки играетъ выдающуюся роль и отстаиваетъ интересы, въ важности которыхъ нельзя сомнѣваться. Вотъ почему вышеприведенная аргументація Нето оказывается далеко еще не излишней; она заставляетъ задуматься многихъ изъ насъ, знатныхъ и незнатныхъ, и если-бы идеи Нето стали осуществляться на дѣлѣ, то можно было бы сказать съ увѣренностью, что въ нашей внутренней политической жизни наступила свѣтлая эра серьезныхъ, облагораживающихъ реформъ.

Первый изъ спорныхъ вопросовъ нашей внутренней жизни, которыхъ касается Немо, это вопросъ о языкахъ.

Онъ дѣлаетъ это лишь вскользь, такъ какъ придерживается мнѣнія, что вопросъ о языкахъ, поскольку могло или должно было его касаться законодательство, уже рѣшенъ. «Тѣ несообразности,—говоритъ авторъ брошюры,—которыя еще существуютъ, особенно въ отношеніи положенія финскаго языка, таковы, что онѣ и помимо мѣръ законодательныхъ могутъ быть улажены путемъ взаимной уступчивости. И особенно важно при этомъ, чтобы, при наличности безспорныхъ несообразностей, тѣ люди, во власти коихъ находится ихъ устраненіе, взялись за это дѣло по собственному почину, независимо отъ партійной точки зрѣнія и всякихъ внѣшнихъ давленій». Какъ на примѣръ, достойный подражанія, авторъ брошюры указываетъ на извѣстное предложеніе г. Хейкеля относительно рѣшенія этого вопроса въ Выборгѣ, послѣ чего продолжаетъ: «Дѣйствительно, даже въ позднѣйшее время представители свекоманской партіи говорятъ: мы согласны уступить, но что же мы получимъ въ возмѣщеніе? Какъ будто не своевременно уже покончить съ этимъ недостойнымъ торгашествомъ! Къ правдѣ надо стремиться ради самой правды, а не ради возможнаго вознагражденія.... Ближайшею задачею нашихъ должностныхъ лицъ, правительственныхъ и общинныхъ, при рѣшеніи вопроса о томъ, на какомъ языкѣ слѣдуетъ вести дѣлопроизводство, должно составлять стремленіе удовлетворить возможно справедливѣе нужды мѣстнаго населенія. Если мы сами возьмемъ за разрѣшеніе вопроса о языкахъ, то мы съ большимъ правомъ можемъ надѣяться, что вопросъ этотъ не будетъ разрѣшенъ другими и притомъ такъ, что рѣшеніе не удовлетворитъ ни которую изъ борющихся сторонъ».

Это напоминаніе оказалось вполне своевременнымъ. Въ № 316 за истекшій 1901 г. газета «Hufvudstadsbladet» предостерегаетъ своихъ единомышленниковъ свекоманскаго направленія, указывая при этомъ, что финская партія въ городѣ Выборгѣ не проявила ожидавшейся отъ нея благодарности. Конечно, къ правдѣ слѣдуетъ стремиться ради самой правды, но и

практическая сторона всякой политики имѣть также свои болѣе или менѣе обоснованныя требованія. А потому,—говоритъ газета въ заключеніе,—пусть шведская партія остережется допускать ограниченіе своей власти безъ подобающаго возмѣщенія.

Надо полагать, что газета хорошо освѣдомлена на счетъ господствующаго среди руководящихъ кружковъ ея партіи настроенія, а, слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что со стороны этихъ кружковъ уже принято рѣшеніе,—хотя бы даже вопреки голосу права и справедливости,—отстаивать и впредь вершокъ за вершкомъ всѣ преимущества шведской партіи въ нашей странѣ. Народъ нашъ не долженъ упускать изъ вида этого печальнаго обстоятельства. И въ вопросѣ о языкахъ мы должны безъ самообольщенія смотрѣть въ глаза дѣйствительности и, только сообразуясь съ нею, обязаны мы рѣшать, что же именно слѣдуетъ предпринять для устраненія существующихъ несообразностей.

Неудовлетворительность постановки вопроса объ официальномъ положеніи въ Финляндіи языковъ шведскаго и финскаго выразилась, главнымъ образомъ, въ двухъ областяхъ нашей жизни. Прежде всего она выразилась въ томъ, что во многихъ нашихъ большихъ городахъ, гдѣ громадное большинство населенія говоритъ исключительно на финскомъ языкѣ, городскіе гласные, тѣмъ не менѣе, примѣняютъ въ дѣлопроизводствѣ языкъ шведскій, неизбежнымъ и законнымъ послѣдствіемъ чего оказалось, что и мѣстныя власти принуждены были пользоваться въ своей перепискѣ тѣмъ же шведскимъ языкомъ. Какое ни съ чѣмъ несообразное положеніе создается этимъ путемъ, тому яркимъ примѣромъ могутъ, между прочимъ, служить порядки, господствующіе въ городѣ Бьёрнеборгѣ. Этотъ городъ насчитывалъ въ 1890 г. жителей, говорящихъ по шведски,—1,501 человекъ, а говорящихъ по фински—7,537 человекъ, и, тѣмъ не менѣе, официальный языкъ въ городѣ шведскій. Значительное большинство жителей города не понимаетъ того, что происходитъ на засѣданіяхъ гласныхъ, и для того, чтобы получить свое дѣло на родномъ языкѣ, обыватель долженъ подать особое прошеніе. Можетъ ли власть имущее меньшинство яснѣе и безцеремоннѣе этого высказать членамъ

общины скрытую свою мысль: не ваше, молъ, дѣло заботиться о публичныхъ дѣлахъ. Вы—только плательщики, а вотъ мы, люди состоятельные, мы вполне сумѣемъ управлять общиной по нашему усмотрѣнію! Все ли при такихъ условіяхъ въ порядкѣ и чья же вина, что духъ единенія и общности, о которомъ Нето говорить, на дѣлѣ проявляется слишкомъ слабо?

И въ городѣ Выборгѣ несообразности, касающіяся языковъ, до послѣдняго времени, проявлялись съ большою рѣзкостью. Въ 1900 году тамъ насчитывалось говорящихъ по фински жителей 23,084 человекъ, тогда какъ говорящихъ по шведски было всего 3,198, и, тѣмъ не менѣе, въ этомъ городѣ также официальнымъ языкомъ городскихъ гласныхъ и общинныхъ властей оказался языкъ шведскій. Для свекоманскаго меньшинства, поэтому, было какъ нельзя болѣе разумно принять предложеніе г. Хейкеля, допускающее особаго рода двуязычіе въ общинномъ управленіи. Однако, въ обществѣ были слышны голоса, что проектъ этотъ, по существу, не достигнетъ цѣли, такъ такъ, молъ, на практикѣ все-таки все останется по старому и шведскій языкъ сохранить за собой свое господствующее положеніе. Оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, ибо, какъ бы то ни было, разъ нѣтъ недостатка въ доброй волѣ, то, безъ сомнѣнія, вопросъ этотъ получить свое разрѣшеніе и равноправность языковъ будетъ признана и на практикѣ. Но вышеуказанный проектъ вызываетъ другое, болѣе важное замѣчаніе, а именно, что едва ли онъ, при современномъ положеніи нашего законодательства, можетъ считаться вполне законсообразнымъ. Постановленія о языкахъ основываются на предположеніи, что въ каждой общинѣ будетъ одинъ только официальный языкъ: шведскій или финскій. Въ виду этого рискованно было бы надѣяться на благополучное рѣшеніе спорнаго вопроса при помощи такихъ средствъ и на такой почвѣ, которыя легко и по многимъ причинамъ могли бы быть поколеблены.

Спѣшу, однако, оговориться, что, по моему мнѣнію, допущеніе официального двуязычія въ общинахъ съ двумя языками не является чѣмъ либо неестественнымъ, а, наоборотъ, заслуживаетъ быть узаконеннымъ. Принципъ параллельности двухъ язы-

ковъ уже нѣсколько лѣтъ какъ сталъ заслуживать одобренія съ разныхъ сторонъ. Такъ, на примѣръ, его горячо отстаивалъ весною 1897 года г. Вальфридъ Васениусъ, посвятившій разъясненію этого вопроса большую статью въ журналѣ «Valvoja» (сторожъ), и одновременно гг. Шибергсонъ и Лилле на сеймѣ въ сословіи горожанъ выступили съ проектомъ установленія двухъ официальныхъ языковъ въ общинахъ съ населеніемъ, фактически говорящимъ на двухъ языкахъ; жаль только, что это было сдѣлано не съ достаточной обстоятельностью, вслѣдствіе чего, несмотря на поддержку большинства при голосованіи, выписка изъ протокола засѣданія не дала членамъ коммисіи для составленія петиціи касательно языковъ достаточныхъ основаній для формулировки примирительнаго законопроекта въ указанномъ направленіи. Слѣдовательно постановленіе, узаконивающее употребленіе двухъ общинныхъ языковъ во всѣхъ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе внушительное меньшинство говоритъ на иномъ языкѣ, нежели большинство, такое постановленіе только узаконяло бы мѣру, цѣлесообразность которой уже нѣсколько лѣтъ назадъ признана представителями различныхъ партій.

Къ сожалѣнію, однако, такой законъ самъ по себѣ едва ли могъ бы повлечь за собой значительное улучшеніе. Выяснившаяся точка зрѣнія газеты «Hufvudstadsbladet» и другіе признаки заставляютъ насъ опасаться, что всюду, гдѣ явное преобладаніе шведскаго языка не окончательно поколеблено, тамъ стоящіе у власти шведы не допустятъ никакихъ уступокъ. Въ виду этого все болѣе ощущается неотложная необходимость разрѣшить указанный вопросъ нѣсколько глубже. Если, слѣдовательно, вопросъ о языкахъ въ общинахъ не можетъ быть разрѣшенъ путемъ взаимнаго соглашенія и уступокъ, то это значитъ, что необходимо такое постановленіе, которое съ достаточной опредѣленностью установитъ, что официальнымъ языкомъ въ общинахъ долженъ быть языкъ большинства мѣстнаго населенія, но съ оговоркою, что въ общинахъ съ двумя языками допускается, или вѣрнѣе, утверждается употребленіе въ официальныхъ сношеніяхъ обоихъ языковъ.

Такое постановленіе вполне согласовалось бы съ требованіями права и справедливости, хотя, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что оно впервые вносило бы начало принужденія въ такую область, которая до сихъ поръ была предоставлена исключительно свободному соглашенію общинныхъ довѣренныхъ лицъ. Вотъ почему слѣдуетъ всетаки надѣяться, что примѣненіе этой мѣры не будетъ вызвано необходимостью. Другая сторона того же вопроса о языкахъ, гдѣ также не достигнуто до сихъ поръ удовлетворительнаго рѣшенія и по поводу которой всѣ сословія на сеймѣ 1897 года высказались въ смыслѣ желательности болѣе совершеннаго порядка, заключается въ употребленіи шведскаго и финскаго языковъ въ дѣлопроизводствѣ высшихъ присутственныхъ мѣстъ. Прежде всего здѣсь необходима отмѣна дѣйствующей еще системы переводовъ съ одного языка на другой, удержаніе которой едва ли найдетъ защитниковъ въ настоящее время. До сего времени только говорящее по фински населеніе испытывало всѣ неудобства этой системы, но, если не послѣдуетъ перемѣны, настанетъ, быть можетъ, и такое время, когда и шведамъ придется довольствоваться переводами, не имѣющими обязательной силы. Основательный поводъ для жалобъ данъ самими вышеуказанными присутственными мѣстами тѣмъ, что тамъ обсуждались на избранномъ ими официальномъ языкѣ дѣла, исключительно касавшіяся общинъ или лицъ, говорящихъ на другомъ языкѣ. Такой же порядокъ соблюдался и въ тѣхъ случаяхъ, когда община, подѣ страхомъ оштрафованія, обязывается высказать свое заключеніе по поводу какого либо проекта, исходящаго изъ указанныхъ присутственныхъ мѣстъ. Страдающей стороной и здѣсь, — насколько намъ извѣстно, — являлись финны, хотя не слѣдуетъ забывать, что, по существующимъ постановленіямъ, центральное присутственное мѣсто, имѣющее дѣлопроизводство на финскомъ языкѣ, уполномочено доставлять шведскимъ общинамъ составленные имъ на финскомъ языкѣ проекты, касающіеся сооруженія мостовъ, дорогъ, общественныхъ строеній или же мѣръ санитарныхъ, призранія бѣдныхъ и т. п.

Устраненіе этихъ неудобствъ имѣлось въ виду какъ въ про-

ектѣ общей сеймовой петиціи, одобренномъ сословными представителями духовенства и крестьянства на сеймѣ 1897 года, такъ и въ той отдѣльной петиціи по сему вопросу, которую крестьянство представило Его Императорскому Величеству, послѣ того, какъ проектъ подачи общей петиціи былъ оставленъ. Предначертанія какъ той, такъ и другой петиціи исходили, собственно, изъ двухъ основоположеній. Прежде всего признавалось, что должностныя лица существуютъ для блага того населенія, коему они служатъ. Отсюда проистекало требованіе, чтобы присутственныя мѣста какъ въ письменныхъ сношеніяхъ между собою, такъ и во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ канцелярій вели переписку на языкѣ населенія, живущаго въ предѣлахъ округа или участка, подвѣдомственнаго тому или другому присутственному мѣсту. Если въ составъ такого округа или участка входятъ общины съ разными языками,—допустимъ даже, что только одна община будетъ находиться въ такомъ положеніи,—то соотвѣтствующія власти, въ соблюденіемъ извѣстныхъ ограниченій, направленныхъ къ охраненію интересовъ общинъ или отдѣльныхъ лицъ, въ правѣ употреблять въ перепискѣ тотъ языкъ, который въ данномъ случаѣ является, по ихъ мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразнымъ. Другой принципъ, легшій въ основу вышеуказанныхъ петицій и выдвинутый главнымъ образомъ финской партіей, заключался въ томъ, чтобы при помощи однородныхъ мѣропріятій оградить интересы шведскаго населенія въ странѣ, обезпечивъ за нимъ такія же права и преимущества, какими бы при новыхъ порядкахъ стали пользоваться финны. Такими мѣрами, по мнѣнію сословныхъ представителей, лучше всего были бы удовлетворены требованія справедливости и равноправности.

Въ рядахъ шведской партіи, однако, думали иначе. И съ этой стороны предъявлялся, и довольно громко, тотъ же лозунгъ «справедливость и равноправіе», но тотъ способъ, который былъ предложенъ финской партіей, для достиженія общей конечной цѣли, былъ названъ «узаконеннымъ насиліемъ». Тотъ же самый ораторъ, который употребилъ это красивое выраженіе, на томъ же сеймѣ прочелъ отходную правамъ шведскаго языка въ Фин-

лянди на тотъ случай, если бы одобренный финнами принципъ преобладанія общиннаго языка и зависимости отъ него должностныхъ лицъ получилъ законодательное утверженіе. Рѣчь эта, какъ извѣстно, сопровождалась одобрительными аплодисментами со стороны присутствовавшихъ въ засѣданіи и занимавшихъ мѣста на хорахъ мужчинъ и дамъ, особенно же послѣднихъ. Принимая во вниманіе рѣдкость такого происшествія на засѣданіяхъ нашихъ сеймовъ, надо признать, что приведенный эпизодъ служить показателемъ того возбужденія, которое уже охватило умы.

Поэтому вовсе не удивительно, что Нето, принимая во вниманіе щекотливость вопроса, предпочелъ бы не прибѣгать болѣе къ постановленіямъ касательно языковъ. И нельзя отрицать, что даже хорошій законъ объ оффиціальномъ положеніи у насъ финскаго и шведскаго языковъ въ настоящее время не можетъ имѣть того значенія, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Однако, и теперь постановленіе въ указанномъ направленіи предоставило бы поселянамъ, какъ шведамъ, такъ и финнамъ, важныя гарантіи, могущія оградить ихъ отъ произвола чиновниковъ въ будущемъ. Да и кромѣ того вопросъ этотъ годъ тому назадъ уже поставленъ на очередь, такъ какъ Сенату поручено въ установленномъ порядкѣ выработать и представить необходимыя правила для окончательнаго упорядоченія вопроса объ оффиціальномъ положеніи финскаго языка. Можно, слѣдовательно, надѣяться, что рѣшеніе, имѣющее въ скоромъ времени послѣдовать, удовлетворитъ справедливыя требованія населенія и осуществитъ надежды страны.

Подвергнувъ, такимъ образомъ, вторичному разсмотрѣнію проекты, выработанные земскими чинами на сеймѣ 1897 года, я съ еще большою увѣренностью, чѣмъ прежде, осмѣливаюсь высказать свое убѣжденіе, что новое постановленіе о языкахъ, въ существенныхъ чертахъ, должно основываться на тѣхъ же началахъ, на которыхъ былъ построенъ проектъ, одобренный духовенствомъ и крестьянствомъ. Но, какъ должно слѣдовать изъ вышеизложеннаго, указанный проектъ долженъ быть дополненъ правиломъ, опредѣляющимъ употребленіе обоихъ мѣстныхъ

языковъ въ канцелярскомъ обиходѣ такихъ общинъ, гдѣ часть населенія говоритъ по шведски, а другая по фински. Читателю самому предоставляется судить, насколько въ такомъ проектѣ содержится угнетенія и насилія, въ чемъ упрекали насъ наши противники.

Отступивъ, до нѣкоторой степени, отъ нѣсколько односторонней точки зрѣнія, на которой стояли вышеуказанныя два сословія въ началѣ своей работы, духовенство и крестьянство, въ концѣ-концовъ, по указанному вопросу представили всеподданнѣйшую петицію о томъ:

Дабы Его Императорскому Величеству благоугодно было предложить земскимъ чинамъ слѣдующаго сейма Всемилостивѣйшее предложеніе, содержащее проектъ закона о равноправномъ употребленіи финскаго и шведскаго языковъ въ дѣлопроизводствѣ судовъ и присутственныхъ мѣстъ Финляндіи, выработанный на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) каждому предоставляется обращаться въ судъ или другое присутственное мѣсто въ краѣ на финскомъ или шведскомъ языкахъ;

2) истцу разрѣшается какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ судахъ или присутственныхъ мѣстахъ, по иску, имъ вчинаемому, требовать выписку изъ протокола, рѣшеніе и другія дѣлопроизводственныя бумаги въ оригиналѣ на шведскомъ или финскомъ языкѣ, по желанію самого истца или большинства таковыхъ, когда въ дѣлѣ участвуютъ нѣсколько лицъ;

3) въ случаѣ, если требованіе, указанное въ пунктѣ 2, не предъявлено или равное число участвующихъ въ дѣлѣ лицъ изъявили желаніе вести дѣло одни на финскомъ, другіе на шведскомъ языкѣ, то

а) судебное или иное правительственное учрежденіе, вѣдомство коего не распространяется на всю страну, обязывается, когда въ сферу компетенціи онаго входитъ лишь одна община или нѣсколько таковыхъ, но съ однимъ дѣлопроизводственнымъ языкомъ, вести производство въ предѣлахъ своего участка на соотвѣтственномъ языкѣ; когда же

вѣдѣнію сихъ учрежденій подлежатъ нѣсколько общинъ съ различнымъ дѣлопроизводственнымъ языкомъ, то означенныя учрежденія обязываются въ сношеніяхъ съ отдѣльной въ участкѣ общиной или лицами, къ оной принадлежащими, употреблять принятый въ ней языкъ, въ прочей же перепискѣ пользоваться языкомъ большинства общинъ своего служебнаго участка, и

б) присутственное мѣсто, компетенція коего распространяется на всю страну, обязывается вести переписку на томъ языкѣ, на которомъ участвующее въ дѣлѣ лицо или лица въ оное обратились, съ тѣмъ, однако, чтобы при наличности равнаго числа участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, начавшихъ дѣло, одни на шведскомъ, другіе на финскомъ языкѣ, соотвѣтственному учрежденію было предоставлено, по оцѣнкѣ интересовъ сторонъ и свойствъ дѣла, вести дѣлопроизводство на любомъ туземномъ языкѣ, по своему усмотрѣнію;

4) по дѣламъ, начатымъ въ интересахъ службы повѣренными отъ казны, общественнымъ обвинителемъ или другимъ должностнымъ лицомъ, отвѣтчику предоставляются тѣ же права въ отношеніи выбора языка, какъ и обвинителю или истцу;

5) высшій судъ или присутственное мѣсто обязывается по каждому дѣлу вести дѣлопроизводство на томъ языкѣ, на коемъ велось дѣло въ инстанціи низшей;

6) дѣлопроизводственныя бумаги и иныя сообщенія, направляемыя изъ судовъ и присутственныхъ мѣстъ въ общины, должны составляться на протокольномъ языкѣ каждой общины; однородные же письменные акты, подлежащіе опубликованію въ церквахъ, а равно объявленія (публикаціи) судовъ и присутственныхъ мѣстъ должны составляться на томъ языкѣ, на которомъ совершается въ приходѣ богослуженіе, но на обоихъ языкахъ тамъ, гдѣ богослуженіе совершается попеременно на шведскомъ и на финскомъ;

7) относительно письменныхъ сношеній присутственныхъ

мѣсть между собою, а равно прочихъ дѣлъ, до лицъ тяжущихся не относящихся, устанавливается:

а) чтобы по дѣлу, касающемуся отдѣльной общины или нѣсколькихъ общинъ съ однимъ протокольнымъ языкомъ, таковой въ перепискѣ и употреблялся;

б) чтобы высшіе суды или высшія присутственныя мѣста въ сношеніяхъ съ мѣстами низшихъ инстанцій пользовались языкомъ, принятымъ въ сихъ послѣднихъ;

в) чтобы во входящія и исходящія журналы присутственныхъ мѣсть дѣла заносились на томъ самомъ языкѣ, на коемъ они составлены;

г) чтобы во всѣхъ прочихъ случаяхъ высшіе и низшіе суды и присутственныя мѣста пользовались тѣмъ языкомъ, на коемъ ведутся протоколы въ мѣстной общинѣ или административномъ участкѣ, но съ тѣмъ, чтобы директоры и прочія служащія лица въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и приходахъ съ однимъ языкомъ пользовались, въ своихъ служебныхъ сношеніяхъ, языкомъ заведенія или прихода и чтобы присутственныя мѣста, вѣдомство коихъ распространяется какъ на общины съ финскимъ, такъ и на общины со шведскимъ языкомъ, пользовались въ перепискѣ либо обоими языками, либо тѣмъ языкомъ, примѣненіе коего вызывается свойствомъ самаго дѣла;

8) члену коллегіальнаго присутственнаго мѣста предоставляется въ засѣданіяхъ и прочихъ служебныхъ сношеніяхъ пользоваться любымъ туземнымъ языкомъ по его личному усмотрѣнію, и

9) отъ вышеизложенныхъ постановленій, устанавливающихъ употребленіе въ служебныхъ сношеніяхъ должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣсть мѣстныхъ языковъ, не допускается никакихъ иныхъ исключеній, кромѣ лишь тѣхъ, которыя могутъ явиться неизбѣжнымъ послѣдствіемъ назначенія въ должности давно служащихъ чиновниковъ на основаніи правилъ, ранѣе по сему предмету узаконенныхъ.

VI.

Какъ по вопросу о языкахъ Нето высказался лишь вскользь, такъ точно вкратцѣ же коснулся онъ и рабочаго вопроса, нуждъ безземельныхъ и положенія торпарей. По его мнѣнію, власть имущіе и всѣ, болѣе или менѣе состоятельные, люди могутъ сдѣлать очень много для устраненія господствующей въ этихъ областяхъ неправды. Намъ не должны на этомъ пути останавливать крайности или ошибки рабочихъ союзовъ. Надо поставить самого себя въ положеніе своего противника, надо понять и усвоить его міровоззрѣніе. Нето подчеркиваетъ, что, по существу, интересы какъ работодателей, такъ и рабочихъ, какъ землевладѣльцевъ, такъ и торпарей или безземельныхъ должны гармонировать. Истинное преуспѣяніе достижимо лишь тамъ, гдѣ стремятся къ возможному согласованію потребностей и удовлетворенію нуждъ всѣхъ классовъ.

Но именно войти въ положеніе другого, усвоить міровоззрѣніе противной стороны и было всегда такъ трудно для людей высшихъ классовъ общества. Еще въ серединѣ восемнадцатаго вѣка двое финскихъ дворянъ, Рейтергольмъ и Армфельтъ, предложили шведскому риксдагу, для устраненія недостатка въ домашней прислугѣ и пр., принять слѣдующія мѣры: обязать всѣхъ крестьянскихъ сыновей и работниковъ съ хорошимъ сложеніемъ и здоровымъ тѣломъ жениться по достиженіи ими 25-лѣтняго возраста, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, отдачи ихъ въ солдаты; воспретить лицамъ, подвластнымъ дворянину или иному благородному землевладѣльцу, а равно лицамъ, родившимся въ дворянскомъ имѣніи, наниматься на годовую службу и работу, или арендовать торпы въ иномъ мѣстѣ или у другихъ хозяевъ, пока господинъ или владѣлецъ имѣнія нуждается въ ихъ работѣ и за таковую даетъ обычное вознагражденіе, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть насильственно водворенными въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго жительствова.... Слава Богу, времена, когда

были возможны подобныя постановленія, для насъ миновали давно. Въ теоріи, въ принципѣ право располагать собою признается за всякимъ. Но въ обыденной жизни, увы, бываетъ иногда и не совсѣмъ такъ.

Когда-то аристократія всюду въ Европѣ никакъ не могла понять, что ея древнія политическія и соціальныя преимущества и привилегіи потеряли свой смыслъ послѣ того, какъ образованіе и богатства стали достояніемъ среднихъ классовъ. Точно также въ наши дни средніе классы крайне неохотно желаютъ понять, что то властное положеніе относительно рабочихъ, которое они столь долго занимаютъ въ качествѣ владѣльцевъ капитала и орудій производства, болѣе не отвѣчаетъ требованіямъ общаго блага и не удовлетворяетъ пробудившагося самосознанія трудящихся массъ. Недавнія событія въ Бильнэсѣ, на фабрикахъ въ Фагервикѣ и Тервакоски достаточно доказываютъ, что многіе работодатели и до настоящаго времени еще полагаютъ, будто, уплативъ рабочему условленную заработную плату, они тѣмъ самымъ получаютъ право требовать отъ него не только добросовѣстнаго исполненія обязанностей, но и еще гораздо большаго. Не задумываясь, они запрещаютъ своимъ рабочимъ вступать въ извѣстные союзы, читать извѣстныя газеты, однимъ словомъ, предписываютъ ограниченія такого рода, что ни одинъ полноправный гражданинъ, хоть нѣсколько научившійся цѣнить свою самостоятельность и право свободнаго самоопредѣленія, не можетъ не почувствовать ихъ униженности. При этомъ забываютъ, что опека надъ личностью, быть можетъ и необходимая въ прежнія времена, въ наши дни и при современныхъ условіяхъ является анахронизмомъ, переходящимъ въ несправедливость.

Трудящіеся классы въ наши дни требуютъ уравниенія своихъ правъ съ правами работодателей и имѣютъ на то несомнѣнное право. Уравнять права, конечно, не значитъ сдѣлать обстановку жизни рабочаго сходной съ обстановкой богатаго землевладѣльца или фабриканта; въ этомъ отношеніи равенство невозможно и нежелательно, какъ невозможно оно и среди обеспеченныхъ классовъ. Я разумѣю здѣсь такое уравниеніе правъ, чтобы прави-

тельство и общественное мнѣніе воспрепятствовали одному общественному классу эгоистично пользоваться услугами другого для достиженія лишь своихъ классовыхъ выгодъ.

Поэтому прежде всего необходимо устранить тѣ искусственныя преграды, которыя въ нашемъ обществѣ еще до сихъ поръ мѣшаютъ низшимъ классамъ охранять свои интересы. Но именно это обстоятельство мы, люди обеспеченные,—даже неимѣющіе прямыхъ сношеній съ рабочими,—въ ежедневной сутолокѣ очень часто забываемъ. Если фабриканты путемъ взаимныхъ соглашеній устанавливаютъ размѣры заработной платы и другія условія труда, угрожая штрафами каждому рабочему, преступившему условіе, то въ этомъ мы не видимъ ничего противоестественнаго. Когда же рабочіе, съ своей стороны, также образуютъ союзы и, не совершая никакихъ насильственныхъ дѣйствій, лишь отказываются работать съ такими товарищами, которые не сдержали своего слова, тогда мы быстро мѣняемъ фронтъ и громко вопимъ объ угнетеніи, насиліи и несправедливости. И, тѣмъ не менѣе, одиноко стоящій рабочій совершенно беззащитенъ передъ властными требованіями прочно сплоченнаго кружка капиталистовъ. Только прочно и разумно организованные промысловые рабочіе союзы могутъ, при возникновеніи споровъ, служить противовѣсомъ произволу капиталистовъ, образуя силу, съ которою нельзя не считаться и которая сумѣетъ отстаивать свободу рабочихъ контрактовъ и интересы трудящихся массъ.

Однако, я далекъ отъ того односторонняго мнѣнія, будто интересы различныхъ общественныхъ классовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, стоятъ по отношенію другъ къ другу въ непримиримомъ противорѣчьи, и будто лишь уравниеніемъ силъ возможно здѣсь устранить полное подчиненіе слабѣйшей стороны. Наоборотъ, я присоединяюсь къ взгляду, высказанному Нето, что интересы всѣхъ классовъ общества, въ концѣ концовъ, несомнѣнно должны слиться. Но при этомъ остается фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, что иногда проходятъ продолжительные періоды смуты и борьбы ранѣе, чѣмъ будетъ достигнута желанная гармонія. Такіе тяжелые періоды,—таковъ именно переживаемый нами нынѣ,—проходятъ

тѣмъ скорѣе и съ тѣмъ меньшимъ количествомъ жертвъ, чѣмъ полнѣе общественное мнѣніе освободится отъ узкой классовой точки зрѣнія и чѣмъ безпристрастнѣе и глубже будетъ рѣшенъ спорный вопросъ. Съ этой точки зрѣнія обществу нашему, для рациональнаго рѣшенія рабочаго вопроса во всемъ его объемѣ, предстоитъ еще долгая и серьезная работа.

Партійность въ нашихъ сужденіяхъ очень часто зависитъ отъ недостаточнаго знакомства съ фактами. Въ сферѣ широкихъ общественныхъ вопросовъ личная опытность и познанія отдѣльнаго индивида или народа оказываются недостаточными, особенно же если онъ, какъ мы, финны, живетъ въ условіяхъ скромныхъ, вдали отъ тѣхъ міровыхъ центровъ, гдѣ глубокія культурныя движенія проявляются съ наибольшей яркостью и силой. Поэтому для насъ неизбѣжнымъ условіемъ прогресса и преуспѣянія является требованіе, чтобы мы основательно изучали своеобразныя особенности нашего положенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно и внимательно слѣдили за тѣмъ, что совершается въ культурной жизни другихъ цивилизованныхъ странъ.

Увы, именно въ этомъ отношеніи мы, къ сожалѣнію, значительно отстали. И главнѣйшей причиною тутъ прежде всего слѣдуетъ считать то обстоятельство, что университетъ нашъ въ дѣлѣ освѣщенія именно глубокихъ соціальныхъ вопросовъ оказался не на высотѣ своего призванія. На первомъ планѣ надо поставить неудовлетворительность преподаванія политической экономіи. Предоставленный, въ качествѣ второстепенной юридической науки, преподавателю, мало подготовленному и неспеціалисту, этотъ капитальный предметъ университетскаго образованія оставался у насъ въ тѣни, ограничиваясь лишь экзаменаціонными программами и не вдохновляя молодыхъ ученыхъ заняться спеціальными научными изслѣдованіями въ этой области. И послѣдствія не заставили себя долго ждать, обнаруживаясь въ неосновательности и ненаучности сужденій, высказываемыхъ какъ въ періодической печати, такъ и въ заключеніяхъ, составляемыхъ, по распоряженію Сената, нашими судебными и административными органами по поводу того или иного законопроекта. Примѣрами могутъ служить сужденія, выска-

занныя у насъ по поводу выработаннаго особой сеймовой коммисіей проекта закона о наймѣ земли въ уѣздѣ. Мнѣнія были только односторонне-юридическаго характера, тогда какъ соціальная сторона этого вопроса была оставлена совершенно безъ вниманія. И при этомъ вездѣ просвѣчивала старая индивидуалистическая теорія, не допускающая какихъ либо ограниченій на пользу общую въ правѣ собственности или, вѣрнѣе говоря, въ правѣ распоряженія. Новѣйшіе принципы, добившіеся права гражданства какъ въ соціальной наукѣ, такъ и въ законодательствѣ нѣкоторыхъ странъ западной Европы, и, въ извѣстной степени, отразившіеся на выработанномъ законопроектѣ, были или совершенно неизвѣстны большинству судившихъ, или же казались имъ крайне антипатичными. Въ виду этого и польза, которую изъ вышеуказанныхъ сужденій могъ извлечь Сенатъ при выработкѣ Всемилоствѣйшаго предложенія, оказалась весьма незначительной. Не больше пользы извлекла изъ этихъ мнѣній въ своихъ работахъ и коммисія законовъ и экономіи.

Соціальныя и экономическія условія жизни у насъ теперь таковы, что они побуждаютъ какъ правительство, такъ и отдѣльныхъ лицъ принимать энергичныя мѣры къ расширенію соціально-экономическаго кругозора какъ среди должностныхъ лицъ, такъ и въ обществѣ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было бы, безъ сомнѣнія, привлеченіе въ нашъ университетъ такихъ преподавателей политической экономіи, которые могли и желали бы посвятить этой важной наукѣ всѣ свои силы. Но для дѣйствительнаго успѣха въ этомъ дѣлѣ необходимо найти такихъ ученыхъ, которые съ глубокими научными познаніями совмѣщали бы въ себѣ и преподавательскій талантъ, т. е. способность возбудить въ своихъ слушателяхъ интересъ и любовь къ своему предмету.

Такая реформа въ университетѣ не замедлила бы, рано или поздно, оказать благотворное дѣйствіе на различные слои нашего общества. Положимъ, это совершилось бы не очень скоро, и еще ранѣе того слѣдовало бы распространять у насъ болѣе здравыя соціально-экономическія понятія какъ среди людей средняго достатка, такъ и среди рабочихъ. Вѣдь, какъ извѣстно читателю, въ Гель-

сингфорсѣ имѣются и дѣйствуютъ два политико-экономическихъ общества. Дѣятельность ихъ была далеко небезплодна, но всетаки это недостаточно при современныхъ условіяхъ. Надо въ широкихъ размѣрахъ и съ большею послѣдовательностью организовать дѣло ознакомленія, путемъ хорошихъ переводовъ, нашей публики съ образцовыми произведеніями въ этой области западныхъ ученыхъ. Желательно, кромѣ того, ознакомить широкіе слои общества съ социальными злобами дня и особенно съ тѣми реформами, которыя въ этой области стоятъ на очереди или только зарождаются, что достигается успѣшнѣе всего устройствомъ популярныхъ, но всетаки достаточно научныхъ, лекцій или цѣлой серіи таковыхъ. Если только дѣйствовать соединенными силами, то, конечно, и результаты получатся отрадныя.

Въ популярной брошюрѣ, какова лежащая передъ читателемъ, ни время, ни мѣсто не позволяютъ обстоятельно касаться указанныхъ мной специальныхъ вопросовъ. Въ виду этого я принужденъ ограничиться лишь нѣкоторыми краткими замѣчаніями.

Въ ряду болѣе или менѣе крупныхъ законодательныхъ работъ, касающихся сельскаго населенія, болѣе другихъ подвинулся впередъ законъ о торпаряхъ или, собственно, о наймѣ земли въ уѣздѣ. Земскіе чины на послѣднемъ сеймѣ, какъ извѣстно, не признали возможнымъ, ради упроченія положенія торпарей, принять безъ измѣненія содержавшіяся въ Высочайшемъ предложеніи слишкомъ подробныя и ограничивающія свободу договоровъ опредѣленія. Вслѣдствіе этого въ періодической печати высказывалось мнѣніе, что этотъ законъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ одобренъ земскими чинами, совершенно недостаточенъ для устраненія несообразностей существующаго положенія. Этотъ же взглядъ, повидимому, является основаніемъ и того обстоятельства, что, по прошествіи уже болѣе полутора года, проектъ земскихъ чиновъ не получилъ Высочайшаго утвержденія. Я лично, состоя членомъ вышеупомянутой комисіи законовъ, по мѣрѣ силъ отстаивалъ многія постановленія, не принятые большинствомъ, но это обстоятельство, тѣмъ не менѣе, нисколько не измѣняетъ моего убѣжденія, что законъ о наймѣ земли, принятый земскими чинами, во всякомъ случаѣ можетъ

въ значительной степени упрочить правовое положеніе торпарей. Весьма вѣроятно, по моему мнѣнію, что уже десятилѣтній опытъ покажетъ, въ какихъ частяхъ закона потребуются измѣненія или дополненія, но и въ настоящемъ своемъ видѣ законъ этотъ внесъ бы въ нашу жизнь крупную реформу, отсрочка которой повергла бы многихъ въ уныніе.

Улучшеніе экономическаго положенія безземельнаго сельскаго населенія въ настоящее время вообще служитъ предметомъ живѣйшаго вниманія со стороны администраціи. Такъ, на примѣръ, по инициативѣ земскихъ чиновъ, былъ отправленъ за границу казенный стипендіатъ, съ цѣлью изученія соотвѣтственныхъ условій въ западно-европейскихъ странахъ, и первымъ прямымъ результатомъ этихъ изслѣдованій явился отчетъ объемомъ болѣе трехсотъ пятидесяти страницъ о мѣрахъ, принятыхъ для улучшенія поземельныхъ отношеній въ Англіи. Затѣмъ ассигнованы два милліона финскихъ марокъ, сверхъ отпущенныхъ ранѣе меньшихъ суммъ, для пріобрѣтенія земли безземельному населенію и, наконецъ, назначена коммисія подъ предсѣдательствомъ помощника Генераль-Губернатора, которая, при содѣйствіи особой подкоммисіи, приступила къ тщательному и подробному изслѣдованію явленій нашей внутренней жизни, имѣющихъ отношеніе къ вышеуказанному вопросу. Первый отчетъ подкоммисіи отъ 21 Сентября 1901 года касается учрежденія ссудныхъ фондовъ для безземельнаго населенія. Содержаніе его, насколько я могу судить, способно повысить довѣріе ко всему тому, что уже въ этомъ отношеніи сдѣлано. Но, при этомъ нельзя упускать изъ вида, что только въ рѣдкихъ случаяхъ довѣренныя лица общинъ правильно поняли свою задачу. Большинство же не могло понять, что правительство, учреждая ссудный капиталъ, имѣло въ виду разрѣшать ссуды лишь для прочнаго и дѣйствительнаго улучшенія положенія безземельныхъ, а не для покрытія случайныхъ расходовъ; вслѣдствіе чего сдѣлано было немало ошибокъ. И однако, не взирая на все это, слѣдуетъ признать, что правительство избрало для рѣшенія вопроса вѣрный путь, поручивъ посредничество при выдачѣ ссудъ самимъ общинамъ. Важно только, чтобы превратныя толкованія и злоупотребле-

нія въ этой сферѣ съ самаго начала были остановлены путемъ точной регламентаціи и бдительнаго надзора, какъ это и предложено подкоммисіей. Усердіе и основательность, съ которыми приступлено къ дѣлу, даютъ основаніе надѣяться, что положеніе безземельнаго населенія, хотя бы и постепенно, но всетаки въ близкомъ будущемъ начнетъ улучшаться и такимъ образомъ залѣчатся раны, которыя, будучи оставлены безъ вниманія, могутъ серьезно препятствовать укрѣпленію среди насъ чувства общности и устраненію между нами классовой розни.

Зарождающіяся у насъ паевыя товарищества имѣютъ въ настоящее время также, главнымъ образомъ, въ виду упорядоченіе общественныхъ отношеній въ уѣздѣ. Въ этомъ смыслѣ организація посреднической конторы общества Пеллерво доказываетъ, что періодъ подготовительныхъ работъ и робкихъ попытокъ уже почти прошелъ и что возможна на этомъ поприщѣ болѣе широкая дѣятельность. Въ послѣднее время стали искать указаній и образцовъ для этого дѣла въ Даніи, что слѣдуетъ считать крайне удачнымъ. Маленькій, но энергичный датскій народъ проявилъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій удивительную живучесть и выработалъ у себя формы общественной дѣятельности, которыя лучше другихъ иностранныхъ образцовъ подойдутъ къ условіямъ нашей жизни.

Всякаго рода работа ради возвышенія матеріальнаго благосостоянія народа, будучи правильно организована, вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и къ укрѣпленію его духовныхъ и нравственныхъ способностей. Серьезная дѣятельность на пользу просвѣщенія за послѣдніе годы проявлялась всюду, но при этомъ пришлось убѣдиться многимъ, что работать на этомъ поприщѣ гораздо труднѣе, чѣмъ можно было предположить, вслѣдствіе чего стали замѣчаться признаки утомленія. Изъ тѣхъ обществъ, которыя безъ шума, но неустанно и безостановочно работали въ этой области, на первомъ планѣ необходимо поставить Общество распространенія народнаго просвѣщенія. Кромѣ другихъ заслугъ этого общества, необходимо отмѣтить заботы по устройству сельскихъ библіотекъ. Общество предлагаетъ свои услуги при выборѣ книгъ, затѣмъ оно же разсылаетъ довѣренныхъ лицъ и агентовъ, пору-

чая имъ приводить въ порядокъ библіотеки, сообразно съ мѣстными условіями, и облегчать доступъ къ книгамъ возможно большому количеству читателей. Увеличившіяся, вслѣдствіе пожертвованій и завѣщаній, средства Общества позволили ему за послѣдніе годы оказывать и денежную поддержку наиболѣе нуждающимся мѣстностямъ, выписывавшимъ книги при посредствѣ общества. Однако, нужно замѣтить, что эта помощь оказывалась далеко недостаточной. Годъ отъ году растетъ всюду число лицъ, прошедшихъ курсъ народной школы, и въ той же пропорціи увеличивается потребность имѣть въ каждой, даже отдаленной, деревнѣ сносную библіотеку. По уставу о народныхъ школахъ предполагается, что въ каждой такой школѣ будетъ своя библіотека. Въ виду этого школьный участокъ могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ считаться и библіотечнымъ участкомъ, при чемъ отвѣтственность за содержаніе и пополненіе участковой библіотеки, по всей справедливости, могла-бы быть возложена на общину. Но въ настоящее время, когда платежныя силы общинъ до крайности напрягаются, въ виду возложенныхъ на послѣднихъ разныхъ повинностей и, между прочимъ, въ виду обязанности ихъ строить школы и возводить жилища для пасторовъ, было бы слишкомъ жестоко требовать, чтобы общины однѣ, безъ правительственной субсидіи, снабжали свои школьные участки порядочными библіотеками. Какъ извѣстно, и въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Норвегіи, правительство расходуетъ на это дѣло значительныя суммы. У насъ цѣлесообразнѣе всего было бы организовать это дѣло при содѣйствіи вышеупомянутаго Общества народного просвѣщенія, каковое общество уже прибрѣло по этому вопросу значительную опытность и содѣйствіе котораго обойдется правительству дешевле всякой другой соотвѣтствующей мѣры.

Еще нѣсколько словъ мнѣ хочется сказать по поводу социальныхъ задачъ, разрѣшеніе коихъ затрагиваетъ интересы городского населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что даже средній по числу жителей городъ обладаетъ гораздо болѣе могущественными средствами для споспѣшествованія духовному и матеріальному благосостоянію своихъ обывателей, нежели сельская община. И, конечно, обстановка

городской жизни требует гораздо болѣе напряженнаго вниманія къ общиннымъ интересамъ города. Несчастія и страданія, вызванныя въ большихъ городахъ съ быстро растущимъ населеніемъ исключительно вслѣдствіе пренебреженія этими интересами, побудили въ послѣдней четверти истекшаго столѣтія сперва англичанъ, а потомъ и прочіе народы Европы, приступить къ серьезнымъ реформамъ въ области городского управленія и самоуправленія. Теперь и въ эту область проникли ученія общественно-соціальной политики, требующія отъ городскихъ властей самага внимательнаго отношенія къ жизненнымъ потребностямъ городского населенія. Давно и окончательно потеряла кредитъ та теорія, согласно которой ничѣмъ нестѣсенная дѣятельность каждой отдѣльной личности ради достиженія ея личныхъ интересовъ успѣшнѣе всего должна была приводить и къ достиженію общаго блага. Горькій опытъ доказалъ, что отдѣльныя лица и компаніи подъ флагомъ свободной конкуренціи только неслыханно обогащались на счетъ остальнаго городского населенія. Городскія власти поэтому оказались вынужденными принять энергичныя мѣры для доставленія населенію по дешевой цѣнѣ и въ достаточномъ количествѣ воды, освѣщенія, жилищъ и т. п. Эксплоатація городскихъ рельсовыхъ путей мало по малу также перешла въ руки городского управленія. Учреждены въ городахъ общинныя, организованныя на раціональныхъ началахъ, посредническія конторы для работодателей и рабочихъ и, кромѣ того, особые ремесленные суды, поровну состоящіе изъ хозяевъ и рабочихъ, для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ и недоразумѣній. Эти и многія другія явленія въ области общественно-соціальной политики доказываютъ, что цѣлью городского и общиннаго управленія является теперь польза и преуспѣяніе всей массы населенія, а, главнымъ образомъ, низшихъ классовъ народа.

И у насъ въ Финляндіи, особенно же здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, городское управленіе за послѣднее время направилось по новымъ путямъ. Городской водопроводъ, который въ началѣ попалъ было въ руки частнаго товарищества, вскорѣ затѣмъ былъ выкупленъ городомъ. Такъ же точно и газовый заводъ перешелъ къ

городу нѣсколько лѣтъ назадъ и, вѣроятно, въ скоромъ времени у городского управленія будетъ собственное электрическое освѣщеніе. Но все это стало совершаться лишь послѣ того, какъ обстоятельства съ достаточной убѣдительною выяснили необходимость этихъ мѣръ. Попрежнему, большинство еще придерживается того взгляда, будто каждое предпріятіе, чтобы быть выгоднымъ, должно быть предоставлено всецѣло частной предпріимчивости; а, между тѣмъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что подобное хозяйничанье въ концѣ концовъ причинитъ городскому самоуправленію крупныя убытки. Такъ, напримѣръ, врядъ ли контрактъ, заключенный съ обществомъ рельсовыхъ путей въ Гельсингфорсѣ, обязываетъ это общество къ постройкѣ такихъ линій, которыя бы связали центръ города съ окраинами и, такимъ образомъ, облегчили менѣе обеспеченнымъ классамъ возможность находить себѣ дешевыя и удобныя квартиры на нѣкоторомъ разстояніи отъ городского центра.

А, между тѣмъ, именно квартирный вопросъ въ городѣ Гельсингфорсѣ настоятельно другихъ требуетъ, для своего разрѣшенія, содѣйствіе городскихъ властей. Это вызывается, прежде всего, происходящимъ на нашихъ глазахъ грандіознымъ расширеніемъ нашего города. Къ сожалѣнію, публичный обмѣнъ мѣнѣй, имѣвшій мѣсто у насъ по поводу распланированія новой части города въ Телѣ, обращался больше въ сферѣ вопросовъ архитектуры и инженернаго искусства, почему дебаты, насколько мнѣ извѣстно, совершенно не выяснили соціально-экономическую сторону этого дѣла. Трудно, въ виду всего этого, предугадать, какъ отнесутся у насъ подлежащія власти къ вопросу о желательности и настоятельности въ строѣ нашей внутренней жизни тѣхъ реформъ, которыя въ Англіи и на континентѣ отчасти уже проведены въ жизнь, отчасти же только проектированы. При этомъ весьма важно рѣшить вопросъ, должны ли вновь учреждаемые городскіе участки поступать въ полную собственность покупателей, или же предоставляться имъ въ пользованіе, въ видѣ аренды, за извѣстную плату, определяемую либо разъ навсегда, либо черезъ извѣстные промежутки времени. Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что громадные дома съ очень большимъ числомъ квартиръ цѣлесообразнѣе воз-

водить въ центральныхъ частяхъ города, а потому желательно раздѣлить городъ на участки, съ тѣмъ, чтобы величина допускаемыхъ построекъ уменьшалась сообразно съ удаленностью участка отъ центра. Такія и подобныя мѣры значительно повліяли бы на качество квартиръ и на размѣръ квартирной платы, причемъ, конечно, интересы среднихъ классовъ и рабочихъ были бы въ должной мѣрѣ приняты во вниманіе.

Хотя и медленно, но всетаки постепенно проникаетъ въ сознаніе руководителей городского управленія Гельсингфорса тотъ взглядъ, что городскія власти должны что нибудь предпринять для устраненія квартирнаго кризиса, особенно чувствительнаго для рабочихъ. Нельзя же не считаться съ тѣмъ печальнымъ фактомъ, что рабочій изъ своего жалкаго бюджета уплачиваетъ за квартиру отъ одной четверти до одной трети всѣхъ своихъ доходовъ, и при всемъ томъ долженъ довольствоваться неудобными, тѣсными помѣщеніями, въ которыхъ часто живутъ скученно нѣсколько семействъ. Насколько такой порядокъ способствуетъ насажденію нравственныхъ началъ и сохраненію домашняго мира, догадаться нетрудно. Вопросъ первостепенной важности заключается въ томъ, къ какимъ же мѣрамъ должно прибѣгнуть городское управленіе, чтобы достигнуть прочнаго улучшенія въ этой отрасли общественной жизни. Вѣдь и значительныя пожертвованія иногда, вслѣдствіе неудачно принятыхъ мѣръ, могутъ оказаться безрезультатными. За границей испробованы уже различныя системы: тамъ города сами строили рабочія казармы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ другихъ же случаяхъ выдавались денежные субсидіи акціонернымъ обществамъ или паевымъ товариществамъ на постройку потребныхъ жилищъ. Однимъ словомъ, въ прецедентахъ недостатка не ощущается, почему является вполне желательнымъ и своевременнымъ, чтобы наши городскія власти добросовѣстно и съ интересомъ къ самому дѣлу занялись разрѣшеніемъ этого важнаго вопроса.

Чѣмъ болѣе расширяется городское хозяйство, тѣмъ бѣльшее число рабочихъ привлекаетъ оно къ своимъ предпріятіямъ, и тѣмъ настоятельнѣе ощущается потребность въ ясной формулировкѣ обязанностей, создаваемыхъ для города его положеніемъ въ качествѣ

работодателя. Какъ извѣстно, и въ этой области западно-европейскія страны сдѣлали очень многое. Такъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ городахъ установленъ минимумъ заработной платы, ниже котораго она пасть не можетъ, и кромѣ того постояннымъ рабочимъ, достигшимъ преклоннаго возраста, выдаются отъ города пенсіи. Надо надѣяться, что близится время, когда эти и подобныя имъ вопросы будутъ поставлены на очередь и у насъ и подвергнутся серьезному и разностороннему обсужденію.

При этомъ нельзя не отмѣтить—чего даже самый горячій сторонникъ соціальныхъ реформъ у насъ едва ли станетъ отрицать—что представители нашего рабочаго движенія, рядомъ съ требованіями совершенно законными, предъявляли и такія, осуществленіе коихъ, при современныхъ условіяхъ, слѣдуетъ считать невозможнымъ. Однако, часть вины и здѣсь падаетъ на обезпеченные классы. Проявляющаяся среди этихъ классовъ за послѣднее время роскошь во внѣшней обстановкѣ жизни, несомнѣнно, способна возбуждать зависть и недовольство среди людей, менѣе взысканныхъ судьбою. Какъ бы то ни было, нельзя не замѣтить значительной перемѣны, происшедшей въ этомъ именно направленіи въ привычкахъ среднихъ классовъ населенія у насъ за послѣднія тридцать лѣтъ. Особенно это стало замѣтно во внутреннемъ убранствѣ жилищъ. Конечно, нельзя здѣсь отрицать вліянія болѣе утонченнаго вкуса и развивающагося чувства красоты, но если все это ведетъ къ излишней роскоши и непосильнымъ для человѣка средняго достатка расходамъ, то такое явленіе съ полнымъ правомъ слѣдуетъ считать несомнѣннымъ соціально-экономическимъ зломъ.

Во всякомъ случаѣ подлежитъ осужденію образъ дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя хотя и пользуются доходами выше среднихъ, но при всемъ томъ живутъ сверхъ своихъ средствъ, допуская въ своей обстановкѣ роскошь, ничѣмъ не оправдываемую и естественную лишь въ обстановкѣ настоящаго богача или же какого нибудь зарывающагося спекулянта. Такіе люди забываютъ, что приумноженіе народныхъ богатствъ въ такой степени, чтобы въ трудную минуту страна имѣла возможность заботиться не о хлѣбѣ единомъ, составляетъ главнѣйшую задачу именно культурныхъ классовъ.

Особенно вредно вліяеть укоренившаяся среди зажиточныхъ людей привычка къ ресторанной жизни. Положимъ, нравы стали теперь мягче, пьянство значительно ослабѣло. Но, при всемъ томъ, каждому извѣстно, какія громадныя, казавшіяся прежде неслыханными, суммы тратятся на утонченные обѣды, ужины и т. д. И когда такія излишества, съ одной стороны, совпадаютъ съ отказами городскихъ властей въ выдачѣ необходимыхъ пособій на дѣло народнаго образованія съ другой, то не мудрено, что умами овладѣваетъ уныніе. Вотъ почему бѣольшая воздержность въ допускаемыхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ есть требованіе, къ исполненію котораго должно побуждать какъ зрѣлыхъ людей, такъ и юношей или дѣвицъ чувство ихъ долга и сознаніе отвѣтственности передъ родиной.

VII.

Реформа въ области языковъ и другія соціальныя улучшенія въ результатѣ принесутъ намъ большее внутреннее единство. Но однѣ эти реформы, сами по себѣ, не подвинутъ насъ къ достиженію той цѣли, которая, по обстоятельствамъ времени, является желательной. Значительное большинство нашего населенія достигло уже той степени развитія, на которой политическія права для каждаго являются потребностью, а потому расширеніе политическихъ правъ и дарованіе права голоса всему населенію является существеннымъ вопросомъ нашей внутренней политики.

Объ этомъ Нето, въ своей брошюрѣ, говоритъ слѣдующее:

«Въ высшей степени важно реорганизовать народное представительство такъ, чтобы не было мѣста упрекамъ въ несоотвѣтствіи системы волѣ представляемаго народа. Такая реформа, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, будетъ не только мѣрой справедливости относительно тѣхъ классовъ народа, которые теперь лишены политическихъ правъ, но и мѣрой вполне разумной и политически дальновидной со стороны правящихъ классовъ, прямой

интересъ коихъ долженъ побуждать ихъ поддерживать довѣріе къ тому учрежденію, при помощи котораго они остаются у власти.

«Немного, однако, найдется лицъ, которые-бы стали принципиально отрицать необходимость реформъ. Если и встрѣтятся между нами люди малодушные, готовые отступить передъ рѣшеніемъ задачи во всей ея широтѣ, то это обстоятельство можетъ быть объяснено скорѣе всего опасеніями партійнаго характера, такъ какъ значительное расширеніе избирательнаго права, по всей вѣроятности, сдѣлало бы финскую партію господствующей и въ сословіи горожанъ, вслѣдствіе чего финноманы заняли бы доминирующее положеніе въ трехъ сословіяхъ, что, конечно, съ извѣстной стороны должно считаться нежелательнымъ и опаснымъ для нашего дальнѣйшаго преуспѣванія.

«Объяснить себѣ такой образъ дѣйствій шведской партіи можно, но признать его согласнымъ съ требованіями *права и правды* нельзя. Въ этомъ легко убѣдиться, если подвергнуть болѣе тщательному разбору аргументы, выставляемые свекоманами въ защиту ихъ мнѣнія о вредѣ коренной избирательной реформы.

«Вообще принято говорить, что всякая политическая партія борется за осуществленіе своей программы, считая ее наилучшимъ средствомъ для достиженія общаго блага, и что всякая партія оспариваетъ противныя мнѣнія потому, что считаетъ ихъ осуществленіе вреднымъ и нежелательнымъ. Конечно, нельзя требовать отъ партіи, дѣйствующей честно и по убѣжденію, чтобы она наложила руки на самое себя, содѣйствуя торжеству взглядовъ, прямо противоположныхъ ея собственнымъ и потому, съ ея точки зрѣнія, вредящихъ общему благу. Повидимому, принципъ этотъ долженъ казаться яснымъ и неопровержимымъ, но это только «повидимому». Краеугольнымъ камнемъ парламентскаго образа правленія слѣдуетъ считать требованіе, въ силу котораго отдѣльныя личности и отдѣльныя партіи должны подчиняться рѣшенію парламентскаго большинства. Несомнѣнно, что такой гегемоніи большинства присущи тѣневые стороны и крупные недостатки; однако, лучшей системы для проявленія воли управляемаго народа до сего времени не выработано. Парламентское

меньшинство можетъ считать мнѣніе большинства неправильнымъ, и тогда оно въ правѣ его оспаривать, но, въ концѣ-концовъ, это меньшинство неминуемо должно подчиниться тому мнѣнію, которое взяло верхъ; иначе правовой порядокъ рухнетъ и замѣнится анархіей. Если же это такъ, то въ правѣ ли сторонники извѣстнаго взгляда препятствовать распространенію иного мнѣнія лишь потому, что это послѣднее имѣетъ шансы сдѣлаться мнѣніемъ большинства? Ни въ какомъ случаѣ! Допустимъ, что въ парламентской практикѣ нерѣдко пускаются въ ходъ разныя уловки и не вполне благовидныя средства для заглушенія голоса большинства; но справедливымъ такой образъ дѣйствій назвать невозможно. Ибо такъ поступать значитъ тѣмъ самымъ утверждать: я признаю парламентарный порядокъ, но лишь при условіи, если всѣ рѣшенія будутъ согласоваться съ моими мнѣніями, въ противномъ же случаѣ я сохраняю за собою право, хотя бы вопреки основнымъ требованіямъ парламентаризма, отстаивать свой взглядъ во что-бы то ни стало. Ясно, что такое поведеніе заключаетъ въ себѣ отрицаніе конституціонно-правоваго строя по существу. Если поэтому какая либо политическая партія содѣйствуетъ справедливому распространенію мнѣнія большинства, хотя бы это мнѣніе и не согласовалось съ ея собственнымъ, то въ этомъ нельзя еще усмотрѣть политическаго самоубійства, а слѣдуетъ видѣть лишь вполне законосообразное признаніе обязательствъ, налагаемыхъ на гражданъ парламентскимъ правопорядкомъ.

«Но сдѣлаемъ дальнѣйшіе выводы изъ указаннаго выше принципа. Возьмемъ общество, судьбы коего рѣшаются не парламентомъ, а ввѣрены усмотрѣнію немногочисленной бюрократіи. Допустимъ далѣе, что при такихъ условіяхъ возникнетъ потребность выслушать по тому или другому вопросу мнѣніе самого управляемаго народа. Что же въ такомъ случаѣ скажетъ все-сильная бюрократія? Конечно, она скажетъ: нѣтъ, я это считаю излишнимъ. Въ теоріи все это можетъ быть и недурно, но къ нашимъ порядкамъ оно непримѣнимо; принимать во вниманіе всѣ различныя мнѣнія, выказываемыя въ обществѣ, и вредно и невозможно; а потому и впредь необходимо оставить власть въ

моихъ рукахъ. Не трудно видѣть, что такія разсужденія ведутъ къ полному отрицанію парламентскаго режима.

«За послѣднее время не однажды высказывалось еще слѣдующее мнѣніе: та политическая незрѣлость, то отсутствіе чувства солидарности и истиннаго патріотизма, наконецъ, то непониманіе обязанностей, возлагаемыхъ на каждого гражданина правовымъ порядкомъ,—которыя въ эти дни достаточно проявлялись со стороны нашихъ рабочихъ,—доказываютъ съ очевидностью, какъ еще преждевременно и опасно было-бы предоставить этому классу болѣе значительное вліяніе на наши внутреннія дѣла. Политическая незрѣлость! Отсутствіе патріотизма!—какіе это старые аргументы и какъ часто ими злоупотребляли въ исторіи вообще! Едва-ли найдутся доказательства, болѣе излюбленныя властью имущими и чаще ими употребляемыя въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду оспаривать необходимость самоуправления или самоопредѣленія, будь то въ области интересовъ политическихъ, мѣстно-земскихъ или частныхъ! Къ этой аргументаціи прибѣгаютъ всѣ враги реформъ и сторонники деспотическаго самовластія. Откуда же можетъ взяться требуемая политическая зрѣлость у людей, которые никогда не пробовали своихъ силъ въ дѣлѣ самоуправления. Можно ли въ исторіи найти примѣръ народа или общественнаго класса, которые-бы оказались вполне зрѣлыми и подготовленными уже въ самый моментъ введенія новаго, до того времени незнакомаго, юридическаго или политическаго института. Вѣдь, только путемъ дѣйствительнаго и постояннаго употребленія извѣстнаго орудія мы можемъ развить въ себѣ искусство имъ пользоваться. Если-бы требовать отъ каждого, добивающагося новаго права, чтобы онъ заранѣе былъ вполне къ нему подготовленъ, чтобы онъ для него «созрѣлъ», то едва-ли какой народъ или общественный классъ, не пользовавшіеся самоуправленіемъ съ начала своей исторіи, могли бы добиться расширенія своихъ политическихъ правъ».

Высказывая эти взгляды, Немо вполне сталъ на точку зрѣнія финской партіи. Подобное же мнѣніе было мною высказано на сеймѣ 1894 г., а два года назадъ газета «Uusi Suometar»

въ полемикѣ съ газетою «Nya Pressen» подчеркивала какъ разъ тѣ самыя положенія, которыя теперь съ такимъ жаромъ и умѣньемъ отстаиваетъ Nemo. Излишне поэтому касаться здѣсь существа вопроса. Что избирательныя права должны быть расширены и уравнены, въ этомъ согласна вся финская партія. Вслѣдствіе петиціи земскихъ чиновъ, поданной на сеймъ 1897 г., Его Императорское Величество повелѣлъ Сенату выработать проектъ всемилостивѣйшаго предложенія по этому вопросу и, какъ извѣстно, для этой цѣли въ текущемъ году были истребованы отъ общинъ статистическія свѣдѣнія. Поэтому, если не совершится какое либо совсѣмъ неожиданное событіе, то указанная реформа въ ближайшемъ будущемъ составитъ тотъ центръ, около котораго будетъ вращаться наша внутренняя политика.

Съ такой же точно увѣренностью можно утверждать, что только путемъ интенсивнаго труда и напряженной дѣятельности удастся довести дѣло до благополучнаго конца. Когда Сенатъ въ 1899 г., по поводу петиціи предыдущаго сейма, предложилъ принять мѣру, которая могла бы способствовать устраненію самыхъ вопіющихъ несообразностей, то наиболѣе вліятельный въ то время органъ шведской партіи «Nya Pressen» отнесся къ этому проекту крайне неодобрительно. Теперь же газета «Hufvudstadsbladet» дѣлаетъ то же самое относительно проектовъ Nemo. Съ изумительною откровенностью побудительный мотивъ признается какъ тогда, такъ и теперь: это тотъ самый принципъ, ошибочность и несправедливость котораго доказываетъ авторъ брошюры. Измѣненіе существующаго порядка повлечетъ-де за собой коренное перемѣщеніе силъ на сеймѣ, вслѣдствіе чего свекоманы окажутся въ меньшинствѣ; а такъ какъ, молъ, преобладаніе шведской партіи должно считаться благословеніемъ для страны, то и нельзя допустить этой перемѣны, равносильной политическому самоубійству. Вотъ гдѣ, какъ говорится, погребена собака.

Группа свекомановъ, сплотившаяся около знамени газетъ «Nya Pressen» и «Hufvudstadsbladet», высказываетъ рѣшимость прибѣгать, для отклоненія реформы, ко всѣмъ разрѣшеннымъ

сеймовымъ уставомъ средствамъ. Такая рѣшимость высказывается этой партіей, несмотря даже на то, что огромное большинство нашего народа желаетъ проведенія указанной реформы и что принципы либерализма и парламентаризма, столь горячо отстаиваемые когда то представителями этой самой группы, должны были бы побудить ихъ подчиниться волѣ народа. Главари свекомановъ утверждаютъ, что они убѣждены въ благодѣтельности для Финляндіи гегемоніи шведской партіи. Но что же будетъ, если прочіе элементы нашего народа придуть къ убѣжденію, что власть шведскаго меньшинства гибельна для страны, такъ какъ влечетъ за собою лишь ненужныя пререканія и бесплодную борьбу! Опытъ другихъ народовъ учить насъ, къ какимъ нежелательнымъ послѣдствіямъ можетъ повести преобладаніе въ политикѣ привилегированнаго меньшинства, и это обязываетъ финскій народъ воспользоваться всѣми законными средствами для устранения указаннаго преобладанія. Стоитъ ради этого сомкнуть ряды, а разъ это случится, то исходъ борьбы предсказать не трудно.

Но для смыканія рядовъ необходимъ энтузіазмъ, а пробудить его можно лишь выставивъ цѣль, достойную напряженія и борьбы. Къ сожалѣнію финская партія въ вопросѣ относительно реформы избирательнаго права слишкомъ долго забывала эту истину. Образъ дѣйствій ея всегда отличался осторожностью и даже нѣкоторой медлительностью. Такъ на примѣръ, исходя изъ того соображенія, что въ большинствѣ нашихъ большихъ городовъ только плательщику податей въ размѣрѣ 25 податныхъ единицъ (Skattören) дается максимальное число голосовъ при выборахъ, эта партія на сеймѣ 1885 г. считала уже значительнымъ для себя успѣхомъ, если бы максимальный цензъ былъ пониженъ всюду до 10 податныхъ единицъ. И, при условіяхъ того времени, такое пониженіе избирательнаго ценза должно было считаться успѣхомъ, ибо тѣ классы народа, которые уплачиваютъ налоги въ размѣрѣ лишь нѣсколькихъ податныхъ единицъ, тогда еще и не помышляли о какомъ либо участіи въ политической жизни. Вопросъ тогда, вслѣдствіе противодѣйствія шведской партіи, былъ снятъ съ очереди, а, между тѣмъ, положеніе въ теченіе пятнадцати лѣтъ,

значительно измѣнилось. Бѣднѣйшіе слои народа, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, пробудились къ жизни или пробуждаются. Рабочій, торпарскій и другіе соціальные вопросы расшевелили низшіе классы народа и заставили ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за дѣятельностью сеймовъ, мало-по малу зарождая въ нихъ желаніе высказать по этимъ вопросамъ и свое мнѣніе. Агитація въ пользу пониженія избирательнаго ценза до 10 податныхъ единицъ уже не удовлетворяетъ этихъ слоевъ народа, которые начинаютъ требовать полного устраненія цензовой системы.

Къ этому надо присоединить еще слѣдующее соображеніе. Максимальный цензъ въ размѣрѣ десяти единицъ обложенія не имѣетъ подъ собою принципіальныхъ основаній. Разъ предположено сохранить цензовую систему, то дальнѣйшія опредѣленія относятся уже къ частностямъ, какъ на примѣръ, вопросъ о томъ, двѣ ли тысячи марокъ годоваго дохода, или десять тысячъ, или, наконецъ, двадцать тысячъ пятьсотъ, какъ того требовали крайніе представители шведской партіи, должны доставлять плательщику податей максимальное, допускаемое закономъ, число голосовъ при выборахъ. На практикѣ результаты, конечно, будутъ весьма различны, но принципіально постановка вопроса останется прежнею, а именно политическая компетенція гражданъ, ихъ активное участіе въ публичныхъ дѣлахъ будутъ, какъ и прежде, поставлены въ зависимость отъ размѣра доходовъ и, слѣдовательно, отъ возможныхъ измѣненій въ этой области. Но этотъ принципъ никогда не находилъ сочувствія въ представителяхъ финской партіи. Финны давно убѣдились въ негодности этой системы, а потому горячо присоединились къ мнѣнію, высказанному по этому вопросу западноевропейскими учеными и уже нашедшему осуществленіе въ нѣкоторыхъ законодательствахъ культурныхъ странъ. Аргументація, примененная представителями партіи въ періодической печати и на сеймѣ въ борьбѣ съ культомъ денегъ, въ окончательномъ выводѣ, должна была бы привести къ отрицанію избирательнаго ценза. Это признано всѣми, но на практикѣ финская партія считала себя принужденной довольствоваться лишь пониженіемъ цензоваго максимума и другими улуч-

шеніями второстепеннаго характера. А вслѣдствіе этого получилось нѣкоторое противорѣчіе между послылками и конечнымъ выводомъ, между доказательствами и заключеніемъ, что, въ концѣ-концовъ, повело къ ошибочнымъ толкованіямъ. Горячность, проявленная по вопросу о реорганизаціи у насъ избирательной системы, была многими истолкована въ смыслѣ лишь недостойнаго маневра партіи, направленнаго къ низверженію партіи противной. Такимъ образомъ совершенно затемненъ тотъ фактъ, что эти стремленія всетаки составляютъ часть той великой освободительной борьбы, которую человѣчество во всѣ времена принуждено было вести противъ постановленій и учрежденій, въ свое время отвѣчавшихъ требованіямъ момента, но затѣмъ мало по малу устарѣвшихъ и превратившихся въ орудіе несправедливости и угнетенія. Такое извращеніе дѣйствительнаго положенія отнимаетъ довѣріе и мужество у единомышленниковъ и, наоборотъ, ободряетъ противниковъ.

На этомъ основаніи я полагаю, что положеніе выяснится лишь въ томъ случаѣ, если финская партія, не колеблясь, включить въ свою программу ясно и энергично сформулированное требованіе о полной отмѣнѣ избирательнаго ценза. Каждому избирателю одинъ голосъ, вотъ желательный девизъ. Но это вовсе не равносильно требованію всеобщей подачи голосовъ, *suffrage universel*. Избирательный цензъ при выборахъ политическихъ, кромѣ Финляндіи, сохраняется еще только въ Бельгіи, но тамъ вся система построена на совершенно иныхъ началахъ ¹⁾. И однако во всѣхъ странахъ приняты извѣстныя ограниченія, вслѣдствіе

¹⁾ Выборы депутатовъ въ палату представителей, по постановленіямъ послѣдней бельгійской конституціи, совершаются такимъ порядкомъ, что каждому гражданину мужескаго пола, достигшему 25-лѣтняго возраста, предоставляется одинъ голосъ. Добавочный голосъ, сверхъ нормы, дается каждому отцу семейства, достигшему 35 лѣтняго возраста и уплачивающему въ государственную казну извѣстный, установленный закономъ, хотя и незначительный, квартирный налогъ, а также и 25 лѣтнему гражданину, владѣющему какой либо незначительной собственностью. Два добавочныхъ голоса, а болѣе того законъ не допускаетъ, предоставляется гражданину, прошедшему среднюю школу или владѣющему соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ.

коихъ избирателями могутъ быть лишь граждане, способные собственными силами содержать себя и свои семьи. Безъ сомнѣнія, это правило имѣетъ за себя достаточно вѣскія соображенія, ибо весь политическій строй нашего времени покоится на томъ принципѣ, что только такіе граждане должны считаться полноправными членами государства. Да и въ особенностяхъ нашего положенія нѣтъ ничего такого, что могло-бы мѣшать установленію если не максимальнаго, то минимальнаго ценза. Въ этомъ отношеніи поучительны примѣры другихъ культурныхъ странъ. Такъ, напримѣръ, въ Англии избирательнымъ правомъ пользуется гражданинъ, обладающій собственной или наемной квартирой, цѣна которой равняется извѣстному, установленному въ законѣ минимуму. Въ сосѣдней намъ Швеціи, гдѣ данныя вообще весьма сходны съ нашими, гражданинъ пользуется избирательнымъ правомъ при условіи: 1) если онъ владѣетъ или на законномъ основаніи пользуется недвижимостью, оцѣненной въ 1,000 кронъ (1,400 финскихъ марокъ); 2) если онъ на срокъ не ниже пяти лѣтъ арендуетъ усадьбу, оцѣненную въ 6,000 кронъ; 3) если онъ, въ городѣ или селеніи, уплачиваетъ подоходный налогъ отъ годоваго дохода не менѣе 800 кронъ.

Въ Швеціи эти постановленія дѣйствуютъ съ 1866 года и приобрѣтенный за это время опытъ кой чему можетъ научить. Къ охлократіи это тамъ не повело. Обезпеченный средній классъ—включая сюда и крестьянъ-собственниковъ—попрежнему остается наиболѣе вліятельнымъ элементомъ въ публичныхъ дѣлахъ, но зато и рабочіе провели въ риксдагъ своихъ представителей. О возвращеніи къ прежнему избирательному цензу или о другихъ ограниченіяхъ права голоса въ Швеціи и вопроса не возбуждается; наоборотъ, въ обществѣ даже высказывается мнѣніе, что годовой доходъ въ размѣрѣ 800 кронъ, который въ настоящее время считается минимальнымъ для полученія права голоса, слѣдуетъ понизить до 500 кронъ.

Обращаясь къ нашимъ внутреннимъ отношеніямъ, необходимо отмѣтить, что условія, препятствующія проявленію чрезмѣрнаго вліянія низшихъ классовъ на общественныя дѣла, у насъ

гораздо могущественнѣе, чѣмъ въ Швеціи и даже гдѣ либо въ западной Европѣ. Наша система народнаго представительства оперируетъ при помощи не двухъ, а четырехъ палатъ. Если бы, поэтому, когда либо въ будущемъ болѣе радикальнѣя мнѣнія взяли верхъ въ сословіяхъ горожанъ и крестьянъ, то они нашли бы достаточно внушительный противовѣсъ въ лицѣ двухъ высшихъ сословій. Наконецъ, нельзя забывать громаднаго значенія у насъ воли монарха. Власть монарха у насъ шире, чѣмъ въ какой либо иной конституціонной странѣ. У насъ было бы совершенной нелѣпостью полагать, что народное представительство можетъ провести какую бы то ни было политическую или социальную реформу вопреки желанію правительства. Поэтому наше правительство можетъ въ вопросахъ о составѣ сейма исключительно руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, чтобы наше представительство по возможности служило выраженіемъ идей, стремленій и желаній, волнующихъ всѣ слои нашего народа. Дворянство и духовенство и впредь будутъ отстаивать интересы правящихъ классовъ и чиновничества; а потому особенно необходимо, чтобы чувства и мнѣнія независимыхъ гражданъ, т. е. большинства плательщиковъ налоговъ, нашли себѣ полное выраженіе въ лицѣ представителей двухъ остальныхъ сословій: горожанъ и крестьянъ.

Еще одну несообразность нельзя здѣсь не отмѣтить. Каждый городъ у насъ, какъ бы велико ни было число его жителей, составляетъ одинъ избирательный округъ. Отсюда слѣдуетъ, что, напримѣръ, въ Гельсингфорсѣ каждый избиратель подаетъ свой голосъ за десятокъ или болѣе представителей, избираемыхъ въ составъ городского сословія. На послѣднемъ сеймѣ отъ города Гельсингфорса было 13 представителей, и такъ какъ, согласно сеймовому уставу, городъ этотъ избираетъ одного депутата на каждые 6000 жителей, то понятно, что число депутатовъ должно изъ года въ годъ увеличиваться. Борьба у насъ происходитъ между двумя только партіями, не допускающими компромисса при выборахъ, а вслѣдствіе этого господствующая партія замѣщаетъ всѣ депутатскія мѣста своими ставленниками. Такая система настолько несправедлива и такъ явно угнетаетъ меньшинство, что

она, насколько мнѣ извѣстно, отвергнута теперь всюду за предѣлами Финляндіи, въ Швеціи же отмѣнена десять лѣтъ тому назадъ. Значительные города раздѣляются тамъ теперь на нѣсколько отдѣльныхъ избирательныхъ округовъ, причемъ каждый округъ обыкновенно избираетъ лишь одного депутата. При такой системѣ меньшинство все таки можетъ сдѣлать свой голосъ слышнымъ, ибо, если оно ужъ не слишкомъ ничтожно, то сумѣетъ провести своихъ кандидатовъ хотя бы въ одномъ избирательномъ округѣ. Благодаря этой системѣ въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ всеобщая подача голосовъ, правящимъ классамъ удается провести въ депутаты своихъ представителей, пользуясь для этого болѣе зажиточными избирательными округами, тогда какъ въ прочихъ округахъ большихъ европейскихъ городовъ голосъ высшихъ классовъ теряется въ массѣ голосовъ трудящихся слоевъ общества.

У насъ существованіе одного избирательнаго округа, охватывающаго весь Гельсингфорсъ, влечетъ за собой послѣдствія, заслуживающія серьезнаго вниманія. Какъ извѣстно, иммиграція содѣйствуетъ громадному приросту гельсингфорскаго населенія, причемъ большинство переселяющихся въ главный городъ нашей страны составляютъ финны. Но эти переселенцы по большей части рабочіе, которые, хотя и увеличиваютъ число жителей, а, вслѣдствіе того, и число депутатовъ, при всемъ томъ сами не могутъ, при существующихъ условіяхъ, провести на выборахъ своихъ кандидатовъ.

Вслѣдствіе этого мы въ Гельсингфорсѣ становимся свидѣтелями того страннаго явленія, какъ стоящая у власти шведская партія, по мѣрѣ увеличенія въ городѣ населенія, говорящаго по фински, избираетъ все большее количество несочувствующихъ финнамъ и ихъ интересамъ депутатовъ въ составъ сейма. Какія несправедливости проистекли и могутъ въ будущемъ еще возникнуть на почвѣ этихъ несообразностей, показываютъ результаты двухъ послѣднихъ переписей. Число жителей финновъ, доходившее въ Гельсингфорсѣ въ 1890 году до 29,787 человекъ, въ 1900 году достигло уже цифры 47,280. Говорящихъ по шведски въ 1890 году

было 29,560, а десять лѣтъ спустя 39,593. Такимъ образомъ говорящіе по фински теперь составляютъ большинство населенія въ Гельсингфорсѣ, и, однако, они не выставляютъ ни одного представителя на сеймѣ. Читателю самому предоставляется судить, каковы будутъ отношенія этихъ цифръ въ 1910 году.

Послѣдствія вышеуказанныхъ несообразностей выражаются не только въ томъ, что Гельсингфорсъ и другіе большіе города, какъ, на примѣръ, Або, Выборгъ и пр., вопреки желаніямъ говорящаго по фински большинства, посылаютъ на сеймъ представителей, исключительно говорящихъ и думающихъ по шведски. Многочисленные представители нашего главнаго города въ городскомъ сословіи рѣшающимъ образомъ вліяютъ на взаимное отношеніе силъ борющихся партій. Преобладаніе же свекомановъ въ сословіи горожанъ ведетъ къ тому, что, при возникновеніи на сеймѣ разногласій, два сословія высказываются противъ двухъ и никакого рѣшенія по спорному вопросу не достигается.

Итакъ, чѣмъ глубже мы вникаемъ въ организацію нашей избирательной системы, тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы приходимъ къ заключенію, что существующія несообразности, если не послѣдуетъ перемѣны, весьма легко могутъ превратить нашъ сеймъ въ каррикатуру дѣйствительнаго народнаго представительства.

Но и общинные выборные порядки возбуждаютъ недовольство въ широкихъ кругахъ населенія. Однако, необходимо признать, что въ этой области установленіе имущественнаго избирательнаго ценза является гораздо болѣе умѣстнымъ, нежели въ сферѣ политической, ибо дѣла, подлежащая вѣдѣнію гласныхъ, болѣею частью имѣютъ прямое отношеніе къ вопросамъ экономическимъ, требующимъ для своего рѣшенія значительныхъ жертвъ со стороны платящихъ налоги среднихъ классовъ. Но и въ этомъ случаѣ желательно, чтобы болѣе значительные города были раздѣлены, для выборовъ общинныхъ представителей, также на нѣсколько избирательныхъ участковъ.

Недовольство, возбуждаемое избраніемъ гласныхъ въ городахъ съ населеніемъ, говорящимъ частью по фински, а частью по

шведски, не можетъ, однако, быть устранено одними законодательными постановленіями, ибо оно вызывается главнымъ образомъ поведеніемъ стоящаго у власти меньшинства. Никто не можетъ осуждать представителей этого меньшинства, если они обезпечиваютъ за собою настолько прочную позицію, чтобы никакія неожиданности не могли ихъ поразить. Но эти представители идутъ гораздо дальше, въ Гельсингфорсѣ, на примѣръ, шведы изъ 48 кресель городскихъ гласныхъ предоставляютъ финнамъ лишь два три, да и эти кресла они замѣщаютъ по собственному усмотрѣнію, вовсе на справляясь съ желаніями самихъ финновъ. Послѣдствія такого образа дѣйствій ясны. Значительныя группы населенія вынуждены считать себя лишенными представителей въ городскомъ самоуправленіи и потому относятся съ полнымъ индифферентизмомъ къ дѣятельности гласныхъ.

Положеніе измѣнилось бы, если бы свекоманы предоставили финнамъ хотя бы одну треть кандидатуръ при выборахъ гласныхъ. Избранныя лица тогда сочли бы своею обязанностью отстаивать передъ прочими гласными интересы и желанія своей партіи по всѣмъ вопросамъ, касающимся городского управленія. Только отъ такого собранія гласныхъ можно ждать, что оно будетъ принимать во вниманіе дѣйствительныя потребности разныхъ классовъ населенія и что оно сумѣетъ, пользуясь довѣріемъ избирателей, осторожно, но твердо провести въ жизнь тѣ социальныя и иныя реформы, которыя въ настоящее время ставятся на очередь.

VIII.

Нето назвалъ свою брошюру «Всѣ вмѣстѣ» и онъ, повидимому, надѣялся, что всѣ или, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство соединится на признаніи начертанной имъ программы дальнѣйшей дѣятельности въ примирительномъ духѣ. Быть можетъ и читатель, пробѣжавшій краснорѣчиво и тепло написанныя страницы брошюры, поддастся на мигъ этой ласкающей надеждѣ. Но, увы, безпощадная дѣйствительность очень скоро

разсѣтъ очарованіе. Чѣмъ болѣе мы будемъ удаляться отъ общихъ фразъ и разсужденій и вникать въ самую сущность волнующихъ насъ вопросовъ, тѣмъ съ большей очевидностью мы будемъ убѣждаться, какъ, всетаки, велика разница въ нашихъ воззрѣніяхъ.

Изъ предыдущаго мы уже познакомились съ тою точкою зрѣнія, на которую сталъ важнѣйшій органъ шведской партіи въ Гельсингфорсѣ по вопросамъ о реформахъ избирательной системы и постановленій о языкахъ. Однако, затаенныя мнѣнія вліятельнаго шведскаго меньшинства обнаружили недавно еще и другимъ путемъ. Допустимъ, что недавно законченные выборы гласныхъ въ нашихъ большихъ городахъ даютъ нѣкоторое основаніе видѣть въ нихъ слабую попытку приблизиться къ трудящимся массамъ; но, въ общемъ, и эти выборы только вновь подтверждаютъ, что партійный духъ у шведовъ такъ же силенъ теперь, какъ и въ тѣ времена, когда эта партія приняла наслѣдство изъ рукъ либераловъ.

Если, слѣдовательно, руководящіе круги шведской партіи лишь косвенно и не вполне открыто старались замолчать только принципиально высказываемые намеки Nemo, то ясно, что изложенные выше проекты серьезныхъ реформъ должны вызвать съ ихъ стороны уже прямое противодѣйствіе и негодованіе. И, признаться, я не убѣжденъ въ томъ, что *entente cordiale* съ самимъ Nemo останется ненарушенною, когда мы отъ принципиальныхъ разсужденій перейдемъ къ ихъ исполненію на почвѣ существующихъ у насъ условій. Нѣкоторыя изъ тѣхъ требованій, которыя, какъ я въ предыдущемъ старался показать, проистекаютъ изъ собственныхъ основныхъ положеній автора, теперь, повидимому, ему самому начинаютъ казаться чуждыми. Nemo недавно такъ слабо защищался противъ критики газеты «Hufvudstadsbladet», что многими это было истолковано въ смыслѣ отступленія. Надо надѣяться, что такое толкованіе ошибочно; однако, желаніе автора брошюры по возможности уклониться отъ серьезныхъ пререканій со своими единомышленниками выступаетъ съ достаточной ясностью. Особенно неодобрительно относится Nemo къ старофинской партіи, хотя онъ предъ тѣмъ въ своей брошюрѣ

отстаивалъ ея главнѣйшія положенія. Теперь же дѣятельность этой партіи, въ устахъ того же автора, получаетъ названіе возбужденія къ смутѣ, ибо, какъ говоритъ Немо, старофинны, вызвавъ снова къ жизни вопросъ о языкахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пробудили въ низшихъ слояхъ финскаго населенія недовольство противъ образованныхъ шведовъ. И такъ говоритъ тотъ самый писатель, который незадолго предъ тѣмъ отнесся съ полнымъ признаніемъ къ дѣятельности финской партіи и которому, конечно, не можетъ не быть извѣстно, что всѣ достигнутые серьезные успѣхи обязаны своимъ существованіемъ пробужденію народныхъ массъ къ совмѣстной работѣ. Послѣ всего этого я нисколько не скрываю отъ себя возможности, что Немо, по прочтеніи этой моей брошюры, назоветъ меня народнымъ подстрекателемъ худшаго свойства.

Высказывая тѣ или инія предположенія относительно возможнаго поведенія нашей шведской партіи въ будущемъ, нельзя оставить безъ вниманія взглядовъ и чаяній болѣе зрѣлой шведской молодежи, какъ той, которая уже выступила на поприще политической жизни, такъ и той, которая готовится стать на смѣну своихъ предшественниковъ. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ я съ нею менѣе, сравнительно, знакомъ, а потому мнѣ легче ошибиться; но, во всякомъ случаѣ, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что нескоро еще эта шведская молодежь пожелаетъ присоединиться къ программѣ, одобряемой громаднымъ большинствомъ финскаго народа. Это мое опасеніе проистекаетъ прежде всего изъ ознакомленія съ нѣкоторыми сужденіями, высказанными въ печати представителями указанной молодежи, сужденіями настолько интересными, что нѣкоторыя изъ нихъ будутъ здѣсь приведены мною, въ видѣ примѣровъ.

Одна изъ статей, въ которыхъ высказывались означенныя сужденія, направлена была противъ рѣчи, сказанной мною на празднествѣ студенческой корпораціи 26 ноября 1897 года, т. е. задолго до наступленія «тяжелыхъ дней». Я указалъ въ этой рѣчи на опасности, долженствовавшія возникнуть въ томъ случаѣ, еслибы вопросъ о языкахъ остался нерѣшеннымъ въ моментъ, когда соціальный вопросъ былъ бы выдвинутъ на первый планъ и на-

шему народу стали угрожать опасности извнѣ. При этомъ я, дѣйствительно, высказалъ, что въ политической и социальной нашей жизни умѣстнѣе было бы употреблять языкъ финскій, но тогда же я прибавилъ, что и шведскій образованный классъ необходимъ въ нашей жизни, въ качествѣ представителя говорящаго по шведски сельскаго населенія. Обращаясь затѣмъ къ моимъ слушателямъ—шведамъ, я въ той же рѣчи продолжалъ: «одинъ изъ вашихъ руководителей какъ-то горько жаловался, что шведамъ теперь приходится отстаивать свои позиціи отъ усиливающихся нападений финской народной массы. Горькая, въ самомъ дѣлѣ, участь; и можно ли допустить, что честная и благородная молодежь будетъ продолжать такую неестественную и безнадежную борьбу? Ваши же сограждане открыли походъ противъ вашихъ укрѣпленій, но потому, что они узрѣли въ нихъ лишь оплоты угнетенія, задерживающіе свободное и всестороннее развитіе всего народа. Сумѣете ли вы убѣдить вашихъ противниковъ въ томъ, что цѣли у васъ иныя, что вы не желаете сохранять перегородокъ, отдѣляющихъ классы народа другъ отъ друга, а что вы стремитесь обезпечить вашей родинѣ болѣе свѣтлое будущее? Если вы сумѣете это доказать, то вамъ нечего будетъ опасаться новыхъ нападений со стороны народной массы; весь народъ перейдетъ на вашу сторону. И въ дальнѣйшей борьбѣ, конечно, естественныя дарованія и солидныя познанія будутъ выдвигать многихъ изъ васъ въ ряды народныхъ руководителей».

И вотъ изъ среды нашего шведскаго студенчества выступилъ одинъ изъ болѣе зрѣлыхъ представителей партіи въ газетѣ «Nya Pressen» съ отповѣдью противъ моего воззванія. Прежде всего онъ старался доказать, что въ настоящее время двуязычіе для насъ не опасно, разъ имѣется уже достаточно многочисленный образованный классъ, говорящій по фински. Мои слова о томъ, что естественныя дарованія и солидныя познанія и впредь, послѣ заполнения пропасти, обезпечать за многими шведами положеніе руководителей, авторъ статьи называетъ лестью. Подтвердивъ затѣмъ, что онъ и его сотоварищи не могутъ быть подкуплены такими средствами, мой оппонентъ особенно подчеркиваетъ, что

шведская молодежь нашего времени прежде всего обладает качеством, только зарождавшимся у поколѣній предыдущихъ, а именно силою характера, послѣ чего продолжаетъ: «Итакъ молодежь, которая, по мнѣнію даже противниковъ, достойна выдѣлить изъ себя народныхъ руководителей, всегда будетъ, вдохновляемая свѣтлыми идеалами и закаленная въ борьбѣ, стоять неизмѣримо выше той молодежи, среди которой, какъ это видно изъ словъ проф. Даніельсона, господствуетъ уныніе и сознание своей соціальной и умственной отсталости».

Обхожу молчаніемъ направленный противъ меня лично ударъ. Авторъ указанныхъ строкъ самъ знаетъ прекрасно, что бывшій его наставникъ, финскіе слушатели котораго выдѣлили изъ своей среды гораздо большее число даровитыхъ молодыхъ ученыхъ, нежели шведскіе слушатели, ни единымъ словомъ не обмолвился относительно отсталости которой бы то ни было изъ указанныхъ двухъ группъ молодыхъ людей. Тяжелѣе оскорбленіе, брошенное въ лицо финскихъ товарищей. Какъ бы то ни было, но такое беззастѣнчивое и ничѣмъ невызываемое самовосхваленіе можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что авторъ статьи рассчитывалъ на поддержку со стороны своихъ ближайшихъ единомышленниковъ. Эта поддержка не заставила себя долго ждать. Нашлась довольно многочисленная толпа шведскихъ юношей, которая стала относиться свысока къ своимъ товарищамъ финнамъ, кичась при этомъ своимъ мнимымъ превосходствомъ, на которое такъ неумѣстно и неосторожно сослался ихъ представитель.

Мой оппонентъ въ газетѣ «Nya Pressen» недвусмысленно даетъ понять, что молодежь шведскаго отгѣнка не видитъ основаній отказываться отъ своего языка или отступать отъ своихъ традицій. И пусть себѣ шведы сохраняютъ свой языкъ, это еще не можетъ помѣшать совмѣстной работѣ съ нами ¹⁾. Вѣрно лишь

1) Въ вышеуказанной моей рѣчи я также не требовалъ полной замѣны языка. Я только старался убѣдить своихъ слушателей по возможности содѣйствовать естественному развитію вопроса объ отношеніяхъ двухъ языковъ, въ зависимости отъ количественнаго отношенія между собою двухъ племенъ, населяющихъ нашу страну. Перечитывая теперь, нѣсколько лѣтъ спустя, свою рѣчь, я убѣждаюсь, что ограничился намекомъ

то, что съ такимъ настроеніемъ, какое обнаружили вышепомянутый авторъ и его юные товарищи, едва ли возможна продолжительная и серьезная совмѣстная работа, требующая отъ участниковъ взаимнаго уваженія и признанія. И только постепенно приобрѣтаемая опытность заставляеть даже культурныхъ фатишекъ, по вступленіи ихъ въ зрѣлый періодъ своей жизни, придти къ убѣжденію, что очень рѣдко личности или отдѣльныя группы населенія, оторванныя отъ своего народа, могутъ произвести что либо дѣйствительно полезное и прочное.

Затѣмъ я имѣлъ въ виду указать на статью г. Арвида Мёрне, напечатанную въ октябрьской книжкѣ журнала «Finsk tidskrift» за истекшій 1901 годъ и носящую названіе «Нѣсколько размышленій». Статья замѣчательна потому, что авторъ ея, занимавшій выдающееся положеніе въ студенчествѣ девяностыхъ годовъ, беретъ разъяснить, что и какъ думаютъ теперь шведскіе представители того поколѣнія, къ которому принадлежитъ и самъ авторъ.

Въ одномъ отношеніи г. Мёрне, несомнѣнно, не отстаеть отъ времени, а именно въ томъ, что онъ вполне понимаетъ важность социальныхъ вопросовъ. О рабочемъ движеніи онъ говоритъ настолько основательно и дѣльно, что, очевидно, хорошо съ нимъ знакомъ и серьезно обдумалъ связанныя съ этимъ движеніемъ проблемы. Здѣсь уже, слѣдовательно, имѣются точки соприкосновенія между нимъ и финскими прогрессистами. Г. Мёрне и его единомышленники, повидимому, и въ вопросѣ о языкахъ не проявляютъ фанатизма, ибо означенный авторъ соглашается, что, когда грянулъ громъ, то многимъ внезапно открылись совершенно новыя перспективы. Мы финны должны, однако, отмѣтить, что дальнѣйшія разсужденія автора показываютъ, насколько мало въ глубь проникли эти уроки недавняго прошлаго. Г. Мёрне дѣлаеть крупное открытіе, а именно: онъ утверждаетъ, что социальный вопросъ похоронить подъ собой вопросъ о языкахъ. Авторъ какъ будто и не подозреваетъ, что вопросъ о языкахъ у насъ и былъ и остался

въ такомъ вопросѣ, въ которомъ требовалась полная точность, устраняющая поводы къ недоразумѣніямъ.

существенной частью вопроса социальнаго. Потому дѣлать заключенія въ ту или въ другую сторону, во всякомъ случаѣ, преждевременно. Когда рабочіе въ нашихъ городахъ, при содѣйствіи, быть можетъ, г. Мёрне и его единомышленниковъ, придутъ къ полному самосознанію и окончательно организуютъ свои ряды, тогда лишь видно будетъ, пожелаютъ ли они примириться съ тѣмъ положеніемъ, какое теперь удѣляется ихъ родному языку со стороны стоящаго у власти шведскаго меньшинства. Лишь тогда выяснится съ полной очевидностью, насколько социальный вопросъ способенъ похоронить подъ собой вопросъ о языкахъ, и не настолько ли послѣдній живучъ, что, быть можетъ, онъ еще потребуетъ полного искорененія тѣхъ несправедливостей, коихъ мы такъ долго были свидѣтелями.

Г. Мёрне принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ студенческой политики. Какъ то весною истекшаго года онъ въ одномъ изъ студенческихъ собраній выступилъ съ рѣчью и потерпѣлъ пораженіе. Этого достаточно, чтобы привести г. Мёрне къ заключенію, что въ указанномъ случаѣ за кулисами дѣйствовали вожаки старофинской партіи и что они давали тонъ рѣшеніямъ студенческаго большинства. «Эти господа,—говоритъ онъ въ своей статьѣ,—хорошо разсчитали, что вопросъ о языкахъ, если имъ заинтересовать увлекающуюся молодежь, не скоро дождется своего рѣшенія и что этотъ вопросъ можетъ служить удобной почвой для пышнаго произрастанія ненависти къ викингамъ». Далѣе, однако, авторъ доказываетъ, что такой разсчетъ не вполне вѣренъ. Вопросъ о языкахъ долженъ, по его мнѣнію, погибнуть, зачахнуть, умереть. А наступающая новая эра возьметъ своихъ знаменосцевъ не изъ среды ослѣпленной финской молодежи. Къ счастью, заключаетъ авторъ, «въ нашей странѣ имѣется еще другая молодежь, которая не дойдетъ до фанатическаго ослѣпленія и не продастъ себя реакціи».

Такимъ образомъ не трудно видѣть, какіе послѣдствія даютъ теперь всходы въ умахъ шведской молодежи, поскольку ея представителемъ является г. Мёрне. Недовѣріе и враждебность шведовъ къ финнамъ такъ же сильна теперь, какъ и у поколѣній предыдущихъ, и по

прежнему они продолжают считать себя единственными у насъ поборниками прогресса, гуманности и просвѣщенія. А всѣ иначе мыслящіе товарищи,—по мнѣнію г. Мёрне,—это лишь черная гвардія реакціи. Даже попытки не дѣлается оцѣнить мотивы своихъ противниковъ! ¹⁾).

Во многихъ мѣстахъ своей статьи г. Мёрне касается нашего великаго политическаго вопроса. И, надо отдать ему справедливость, онъ это дѣлаетъ настолько краснорѣчиво и талантливо, что едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ мы найдемъ такое яркое отраженіе чувствъ и волненій, пережитыхъ за это время всѣми и заставлявшихъ трепетать не одно горячее юношеское сердце.

«Каждое поколѣніе,—говоритъ авторъ,—въ мечтахъ рисуетъ себѣ будущее своей родины. Наша мечта была видѣть Финляндію страной гордой и свободной, неспособной пережить своей славы. Мы, юноши, носили запечатлѣнными въ нашихъ сердцахъ рассказы прапорщика Столя и мы не могли думать, что найдутся у насъ старики, забывшіе эту книгу.

«Теперь мы это знаемъ. Молодежь девяностыхъ годовъ за два года многое узнала и многое поняла, а, между тѣмъ, идеалы ея постепенно рушатся подъ ударами суровой дѣйствительности и разсѣиваются, какъ дымъ, подобно тому, какъ въ поэтическихъ очеркахъ г. Ахо таетъ въ облакахъ и исчезаетъ волшебное знамя, которое онъ видитъ въ мечтахъ и которому, увы, никогда не суждено развѣваться въ жизни. Мы, конечно, не больше значимъ, нежели предыдущія поколѣнія, но рождены мы были для болѣе крупныхъ задачъ. Мы не можемъ въ теченіе долгихъ лѣтъ сохранять свою способность дѣйствовать въ то время, какъ старшіе наши граждане, которые теперь должны были бы бороться, готовятъ намъ почву для будущихъ пораженій. Позволительно спросить тѣхъ,

¹⁾ Я вовсе не хочу сказать, чтобы студентовъ финновъ совсѣмъ нельзя было упрекнуть въ односторонности. Къ сожалѣнію, я очень мало знакомъ съ содержаніемъ пререканій, происходившихъ на собраніи студентовъ, о которомъ трактуетъ г. Мёрне, но и съ финской стороны до меня доходили слухи, что поведеніе нѣкоторыхъ ораторовъ изъ финской партіи носило отпечатокъ нетерпимости и узкаго націонализма.

которые несутъ отвѣтственность за настоящее положеніе, понимаютъ ли они, что они должны управлять страной не для себя, а для поколѣній будущихъ? Мы, молодежь, представители грядущей Финляндіи, мы тоже считаемъ себя въ правѣ сказать свое слово о судьбахъ нашей родины. Мы не думаемъ забывать, что когда нибудь и мы дадимъ отвѣтъ поколѣнію, которое будетъ насъ смѣнять. Вотъ почему, быть можетъ, своевременно указать, что никакое матеріальное благосостояніе, никакіе случайные успѣхи, никакое «спасеніе» того, что могло бы быть хуже, не можетъ оправдать той нравственной распатанности, которая прививается финскому народу, благодаря образу дѣйствій теперешнихъ дѣятелей. Мы не въ правѣ долѣе молчать, когда видимъ, какъ руки наши заранѣе связываются и какъ народная масса, всегда легко направляемая какъ въ сторону добра и правды, такъ и въ сторону зла и неправды, постепенно убѣждается въ томъ, что долгъ и честь на словахъ есть одно, а на дѣлѣ совсѣмъ другое. Чтобы мы были въ состояніи честно исполнить свой долгъ, необходимо требовать добросовѣстнаго исполненія долга со стороны нынѣшняго поколѣнія. Иначе возможность дѣйствовать честно съ каждымъ днемъ будетъ уменьшаться, и самое понятіе о долгѣ, не находя почвы въ дѣйствительности, исказится, вслѣдствіе чего мы, которые при иныхъ условіяхъ могли бы сдѣлаться поколѣніемъ сильнымъ и жизнеспособнымъ, принуждены будемъ согнуться подъ тяжестью горькой судьбы, уготованной намъ стараніями теперешнихъ руководителей».

Сердце радостно бьется при чтеніи этихъ прочувствованныхъ строкъ. Да, именно такую, идеально настроенной, безкорыстной, благородной представляли мы себѣ молодежь въ нашихъ мечтахъ. И тѣмъ не менѣе тутъ же мы должны прибавить, что во всемъ этомъ проявилось больше восторженности, чѣмъ спокойной разсудительности. Такъ бываетъ всегда, когда дашь волю своимъ чувствамъ. Г. Мёрне самъ удостовѣрилъ, что очерченная имъ молодежь бессильно борется въ водоворотѣ. У нея нѣтъ той выдержки, которая пріобрѣтается только съ годами. Если, при такихъ условіяхъ, руководящее поколѣніе расходится съ молодежью въ пониманіи долга

и чести и дѣйствуетъ въ жизни иначе, чѣмъ это желательно юнымъ умамъ, то послѣдніе, — по свидѣтельству указаннаго автора, — теряютъ вѣру въ себя и почву подъ ногами и начинаютъ дѣйствовать противъ своей совѣсти. Во истину, нарисованный типъ не тотъ, о которомъ говоритъ римскій поэтъ: *impravidum ferient ruinae*.

Г. Мёрне высказываетъ предположеніе, что старики у насъ уже забыли рассказы прапорщика Столя. Однако, гораздо вѣроятнѣе, что онъ въ данномъ случаѣ ошибается. Старики хорошо помнятъ эти рассказы, но они знаютъ также, что прапорщикъ Столь не все сообщилъ о той великой эпохѣ. Рядомъ съ битвами при Револакскѣ, Оравайскѣ, Сикайоки и Лаппо внутри страны совершались и другія событія. Эти событія начались съ того, что чиновники, ради спасенія будущаго, подчинились требованіямъ могущественнаго завоевателя и закончились они, еще до прекращенія военныхъ дѣйствій, принесеніемъ вѣрноподданнической присяги на боргоскомъ сеймѣ. Въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ этой второй серіи событій, находился и профессоръ Калоніусъ. Все это хорошо помнитъ старшее поколѣніе, когда оно за руководствомъ обращается къ великой эпохѣ.

Далеко не все, что происходило въ 1808 и 1809 годахъ, достойно поклоненія, и рѣзкіе приговоры, произнесенные надъ нѣкоторыми чиновными лицами того времени, часто были въ достаточной степени обоснованы. Такъ же точно и въ наши дни, увы, совершены дѣянія, о которыхъ финскій народъ не можетъ вспоминать иначе, какъ съ глубокой скорбью. Но задача не въ томъ, чтобы при оцѣнкѣ того или иного событія добиться полнаго согласія со всѣхъ сторонъ. Гораздо важнѣе признать, что, по отношенію къ грядущему, каждый изъ указанныхъ выше способовъ дѣйствія долженъ считаться правомѣрнымъ. Я уже указалъ, что у различныхъ круговъ общества могутъ быть свои различныя задачи. Но конечная цѣль у всѣхъ должна быть одна, а именно: возвращеніе нашей исторіи, хотя бы и цѣною чувствительныхъ жертвъ, на почву законности, т. е. такую почву, которая не будетъ оскорблять правосознанія нашего народа. А, кромѣ того, мы должны убѣдиться и въ томъ, что такой выходъ изъ нашего теперешняго положенія возможенъ только въ томъ

случаѣ, если мы будемъ дѣйствовать въ согласіи съ тѣмъ правительствомъ, которое въ теченіе цѣлаго столѣтія было нашимъ руководителемъ и защитникомъ.

Вотъ главная программа нашей ближайшей дѣятельности, а къ ней уже примыкаютъ прочія наши задачи и проблемы.

Мы стоимъ, собственно говоря, на распутьи. Одна дорога ведетъ къ дальнѣйшему разладу, взаимному недоувѣрію, презрѣнію, злобѣ и, въ концѣ концовъ, хотя и къ почетной, но все таки неизбѣжной гибели и уничтоженію. Другая дорога также не легка, она сулитъ намъ страданія и, быть можетъ, униженія; а конечная цѣль дороги скрыта отъ насъ непроницаемымъ туманомъ. И, тѣмъ не менѣе, это единственный путь, могущій привести къ успѣху, ибо это путь взаимнаго уваженія и довѣрія, путь единенія и плодотворной работы на пользу грядущаго преуспѣянія народа. Среди самыхъ тяжелыхъ испытаній насъ не покидаетъ надежда, что этотъ народъ, какъ бы ни изгибался путь его слѣдованія, все таки останется на высотѣ культурныхъ націй и съ честью исполнить свою задачу въ ряду другихъ цивилизованныхъ племенъ.

Какъ велико будетъ число тѣхъ, которые пойдутъ по пути единенія и совмѣстной работы, это—вопросъ будущаго. Быть можетъ въ эту сторону направятся многіе изъ тѣхъ, которые теперь блуждаютъ безъ дороги, раздираемые сомнѣніями. Но, во всякомъ случаѣ, ожидать, что всѣ двинутся въ указанномъ направленіи, рискованно: это мечта, которой едва ли суждено сбыться. Вопросъ лишь въ томъ, настолько ли многочисленны будутъ воссоединившіеся для совмѣстной работы, чтобы они имѣли право говорить и дѣйствовать отъ имени всей Финляндіи, и будутъ ли ихъ силы и самоотверженность соотвѣтствовать громадности предстоящей имъ задачи. На этотъ вопросъ отвѣтятъ граждане Финляндіи, финны и шведы, юные и пожилые—безразлично, своею дѣятельностью или бездѣятельностью; а отъ этого отвѣта будетъ зависѣть наше грядущее.

